

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Анна Р. ХАН

У КАЖДОГО СВОЙ ПУТЬ В ХАРАД

Роман

Москва, 2017
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Х19

Серия основана в 2004 году
Выпуск 637

Художник
М. Поповский

Хан А. Р.

Х19 У каждого свой путь в Харад: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 473 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2353-8

Принцы, эльфы, наемные убийцы, шпионы, волшебные существа, люди с паранормальными способностями и обычные — все они втянуты в водоворот судеб, и никто не знает, насколько велико влияние каждого из них на мировую историю в целом. Как и всегда, борьба добра со злом и стремление человека изменить мир и себя.

В центре событий Ольмар Роуи Весейжд Хальмгард-третий — один из князей Великого Озерного края. Сможет ли он переломить ход истории и так ли неизбежен бесславный закат его империи?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Анна Р. Хан, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2353-8

ГЛАВА 1

Вых проснулся посреди ночи от холода.

Он попробовал втянуть ноги под покрывало. Ничего не вышло. Жена почти полностью утащила одеяло на свой край кровати, оставив Выху на разживу куцый угол.

Согреть ступни об ее теплые колени тоже не получилось. Леветина угрожающе заворчала от прикосновения и отползла еще дальше. Разумеется, вместе с одеялом.

Вых сел на кровати. Поскреб волосатый живот под рубахой и вздохнул. Хватали за пятки поднимающиеся от половиц гонцы сквозняка и оттесняли его чуткий сон все дальше.

Нет, одеяло не было в хате единственным. Их с Леветиной семья вполне даже зажиточная, не какие-нибудь там голодранцы. Не лентяи и не голь деревенская. Работают, стараются, на ветер деньги не пускают; как говорится, все в дом, все в семью. Так что второе и третье одеяла в доме имелись.

Но лежали-то они на печи в углу хаты. И под ними спали дети. Может, там одеялки и без особой надобности — печь-то теплая, да и согревают они друг друга. Как котята в лукошке. Но отбирать что-либо у родных детей Вых ни в жизнь бы не стал.

«Вот разве что перебраться к ним?» — Вых с тоской посмотрел в угол. Сам он был маленьким, квелым (не в пример дородной жене), но даже он не поместился бы с краю на свободном пятачке полатей, не рискуя свалиться во сне прямоком на пол.

— Лететь не высоко, да падать твердо, — пробормотал Вых и снова вздохнул.

Решение родилось само собой. Теплый женин тулуп висел в сенях, если класть его поперек — в самый раз Выха закроет целиком. Зевая, мужчина поплелся в сени. Уже там, путаясь в рукавах зимней одежды, ему пришла в голову мысль сходить

на двор. Само собой, не просто так поглядеть на звезды, а по нужде. Все одно ж не спится. А так вроде и не зря встал.

Ночь была звездная. Вых с чувством зевал, глядя в небо. Размышлял — будет ли завтра дождь. И если будет, то на сколько зарядит. Он почти закончил свое маленькое дело, когда взгляд соскользнул с высоты на землю. На видневшуюся у подножия поросшего лесом холма деревушку.

Там, внизу, в тени, сползшей с холма под лунным светом, перемещаясь, мелькали огни. Совсем уж не к месту, если принять во внимание позднее время суток.

Вых мгновенно захлопнул рот и выпучил глаза. А снизу на него тарачилась вспыхивавшими окошками хат проснувшаяся посреди ночи невесть с чего деревня.

Огоньки вырвались из деревни на большак, а оттуда свернули на дорогу, возникшую из некогда прорубленной в стене леса просеки. Конники с факелами. А дорога эта пренебрежительно к избе Выха выводит. А ей-то и некуда больше...

Черета изменений на картинках, впечатывающихся в мозг Выха между взмахами век, была невероятно стремительна. Он отчаянно моргал, не в силах поверить в то, что все происходящее ему действительно не снится.

Выгода, которую получала деревня от соседства с семейством Выха, являлась гарантией сохранения его инкогнито для всего остального мира. Он был лелеемым сокровенным. Курицей, несущей золотые яйца. При появлении опасности в окошко Выховой хаты скребся посланный из деревни очередной, почти наверняка сопливый, но быстроногий гонец.

— Дядь лесовик, эй, дядь! Повставайте тама все — принесло невесть кого давеча. Лихие люди! Про тебя пытаются! Ховайтесь!

Семья лесовика исчезала в чаще, пока селяне, разводя руками и изображая неведение, выигрывали для них время. Мужики посмеивались, оглаживая бороды: «Какие такие лесовики? Вот вы вроде образованные люди, не темные, а в сказки верите. Как маленькие, право». Бабы взвизгивали и плевались: «Какие лесовики — вона церковь недавно справили только! Наветы все это рыманских чистоплюев! Ах, так вы с Ольмхольмской стороны прибыли... Так с озерников что взять? Им везде нечисть мерещится. Их спроси, так у них в озерах рыбы через раз разговаривают на удматорском языке!»

Когда пришлый люд не вызывал подозрений, разговор шел в несколько ином русле. «Чевой вы говорите? Лесовика нет, никакого не знаем, а проводник он есть, это да. Только он в Полтове. Ага, у князя Всемира. На службе. Если не к спеху вам,

так мы можем и посодействовать, конечно...» Мужики угодливо кивали, пряча за улыбкой хитрый прищур. «Посодействовать оно, конечно, всегда можно. Только вот сколько уважаемые путники заплатит-то собираются?»

Вот так и получилось, что со времен последнего военного похода Рымана на Потлов никто посреди ночи в дом к Выху не врывался. Ни с факелом, ни без.

А ране...

Но тогда времена другие были, тогда могли и за шкуру из постели вытащить и задарма месяц туда-сюда через болота шастать заставить. В целях безопасности государства.

Вых развернулся и кинулся было бежать к дому, но, запутавшись в спущенных штанах, со всего размаху долбанулся об крыльцо. Под крыльцом, как бы извиняясь, заскулил притащенный из лесу по весне волчок. Сквозь щели досок Вых увидел прижатую к земле морду с прижатыми же ушами и влажные бусины виноватых глаз.

— Что ж ты, гад, раньше не разбудил! Они, поди, там уже не первый час куролесят! — Вых перепрыгнул через ступеньки, рывком распахнул дверь.

— Леветина! Быстро! Сбери детей!

Женщина подскочила. Мгновенно пробудившись — неспокойные времена на генетическом уровне выработали способность просыпаться с готовностью бодро бежать в неизвестном направлении. Не до сна, чай. Леветина метнулась к печи, стаскивая одного за другим четверых сыновей.

— Просыпайтесь! Просыпайтесь!

Ни на миг не останавливая мелькание своих больших, мягких, занятых делом рук, стрельнув глазами на мужа, Леветина все же решила спросить:

— Вых, что там?

— Да кто его знает... Сюда едут.

— Да кто?

— Не разобрал толком, только навряд ли с факелами по тебе будут добрые люди шляться.

— Может, по делу?

— По делу бы сразу к нам поднялись. А то попервой всю деревню переполошили. Смекаешь? Может, и порешили там всех...

Леветина горестно всплеснула руками и сдавленно всхлинула.

Пацаны испуганно моргали. Старший тер кулаком глаз.

— Чё случилось-то?

— Чё-чё... ничё... — Отец и мать в четыре руки обували маленькие, теплые со сна ножки в лапоточки. — Сейчас в лесок сгоняем быстренько, и все...

— И мамку возьмем, что ли? — удивился маленький, самый похожий на Выха, а потому, наверное, и самый любимый им.

— А чё нам мамку и не взять? Возьмем... — Вых подхватил его на руки, увлекая и всех остальных за собой к двери.

— Так раньше не брали же? — не отставал сынок. — Она в деревню спускалась.

— То раньше, а то сейчас. Сейчас другое дело.

— А почему другое?

У дверей Леветина тихонько завывала:

— Вых!

К добротным воротам частокола подкатился дробным перестуком шум копыт. Отблески света факелов. Многоголосная быстрая речь.

— Не успели, — свистящим шепотом выдохнула Леветина.

Муж и жена замерли, глядя друг на друга. Оба в длинных домотканых рубахах. Всклоченные. К крутым бедрам Левитины прижимались фигурки закутанных наспех близнецов. Старший сын, долгожданный первенец, стоит чуть поодаль. Смотрит исподлобья. Он дорос Выху уже до плеча. Он не напуган, как остальные. Скорее зол. Подняли посреди ночи, опять куда-то бежать...

Вывести детей из дому они так и не успели. В проем закрываемой двери Вых успел заметить, как распахивались, жалобно всхлипнув, под чьим-то натиском створы ворот.

Вых сунул младшего Леветине в руки:

— В подпол! Быстро! В подпол! Ховай их!

По двору рассыпалась дробь перестука копыт.

— Открывай!

Вых отпрыгнул от двери:

— Да что ж вы копаетесь-то!

— Я больше ни в одну лазейку без тебя не полезу, — мрачно и безапелляционно заявил старший сын. — Я выходы из них плохо чувю.

— Открывай! — Дверь содрогнулась от ударов. Стучали громко и, вероятно, ногой.

Вых прикрыл глаза. Петли долго не продержатся...

Леветина отвесила старшему подзатыльник.

— Еще как полезешь! Поспори еще! Ишь ты! — Леветина знала об используемых мужем лазейках только то, что они существуют. Однако это было намного больше, чем знали все остальные.

— Да тесная та лазейка! И выходит не пойми где! — Старший сжал от обиды кулачки и зло блеснул глазами, полными слез, на мать. — Не знаешь ты, вот и не говори!

— Вот и ладно. Не пойми где — это подальше отсюда, что и хорошо! — Леветина с невероятной быстротой наvertsела на его шею и голову кушак и подтолкнула в нужном направлении. — Лезь, я тебе сказала!

— Не полезу, — уперся ребенок. Он поднял взгляд. — Тесная она, говорю. Вы там с папкой точно не пройдете. Я еле пролезаю, в прошлый раз все колени ободрал.

Леветина крепко взяла его за плечи и встряхнула.

— А маленьких кто выведет? — Она кивнула в сторону крышки открытого погреба. Оттуда доносилось отчетливое сопение нескольких маленьких носов. Кто-то изо всех сил старался не заплакать. — Лезь, говорю!

Почти столкнув сына в подпол, она опустила крышку.

— Мам, мы не хотим без тебя уходить! — Маленькие ручки затарабанили по ней с внутренней стороны.

— Цыц! Цыц, я сказала! — Леветина шлепнула ладонью по доскам и зашипела в пол: — Сейчас спущусь, уши всем поотрываю! В лазейку — и быстро-быстро уходите!

Леветина чуть посидела, прислушиваясь к шороху под полом, потом поднялась с колен и схватилась за стоявший у стены сундук.

— Ну что ты стоишь-то как каменный? Помоги сдвинуть!

От тщедушного Выха было мало пользы. Вдобавок у него тряслись руки. Но кое-как они дотолкали неподъемный сундук до двери и подперли ее. Леветина села на сундук сверху и, раскачиваясь, затянула вполголоса, перемежая причитаниями, то ли песню, то ли молитву.

— Открывай, говорю! — Факелы маячили за досками ставней. — Открывай! А то спалю все на хрен!

Вых вместо того, чтобы испугаться, подумал, что голос очень молодой. Звонкий такой, молодой женский голос.

— Ой, как страшно, божечки мои, ой как страшно... — эхом вторил ему Леветинин полусшепот.

«Может, это мне все-таки просто снится? Передышал давеча болотных испарений, сопровождая купеческий обоз, что в Княжград путь держал, вот теперь кошмары и мучают? Хорошо, если б так и было...»

Вых не отрываясь смотрел на жену. За ее спиной сквозь щели дверных досок пробивались лучики от дрожащего света факелов.

— Поторопись, поторопись, хозяин. — Тяжелыми шагами говоривший мерял Выхову горницу из конца в конец. — Время. Время — оно-то жжет.

Леветина, кутаясь в платок, стояла, привалившись к косяку входной двери. Ее взгляд затравленно скользил по незнакомцам, пришедшим за ее мужем, а губы неслышно и безостановочно складывались в слова. Изредка прорывающиеся истерическим тихим шепотом, так что их можно было разобрать:

— Страшно-то как... куда ж на ночь глядя... что же будет... Господи, господи...

За плечом Леветины виднелась стоявшая за воротами подвода и хвостатый зад впряженной в нее лошади. Лошадь время от времени переступала задними ногами и обмахивалась хвостом. Собственно, как и положено лошади. И, пожалуй, только в этом не было ничего удивительного.

Все остальное было из ряда вон. Но самым удивительным было то, что на месте возникшего сидел местный деревенский парень. Косой Аурис из крайней у леса хаты. И подвода, и лошадь, в нее впряженная, тоже были деревенскими. Вых их сразу узнал. Жалел только, что не может прямо сейчас подойти к Аурису этому и прицельно в его косой глаз плюнуть. Ничего, это успеется. Ему, Выху, только бы эту ночь пережить. А там он сквитается с теми, кто на него эту банду натравил. Вернее, с тем, кто его этой банде выдал.

«Это ж надо — выдать чужакам дом лесного человека! Запamятавали, что ли, что проводник единственный на всю округу остался?»

Того, кто лежал на подводе, отсюда не было видно. Но по короткому отрывистому рассказу ходившего туда-сюда как маятник незнакомца Вых знал, что там лежит раненый. Он не кричал, не стонал, не шевелился. Одним словом, живым совсем не казался. И от этого вся ситуация выглядела еще более страшной.

«Страшно-то оно, конечно, страшно, — думал Вых, заматывая вокруг лодыжек ленты от лаптей. — Но оставлять эту толпень в доме до утра еще страшней... Да и не остались бы они. Добром-то... Точно не остались...»

Прямо рассматривать пришельцев он не решался, поэтому бросал на них искоса быстрые взгляды. Словно по их внешности было возможно угадать знаки уготованной ему самому судьбы. Четверо мужчин и женщина. Двое — высоченные, здоровенные, с толстыми шеями и предплечьями. Ростом и фигурой схожи как братья, а по возрасту один другому скорее в отцы годился.

«Но не родня они, все ж не родня... Слишком разномастны...»

Тот, что постарше, безостановочно расхаживает по горнице. Курчавый, черноволосый. Вожак, что ли, их? Слушают они его... Борода блестящая, окладистая, глаза как антрацит. Второй полная противоположность ему — светлый, белесый, волосы льняные, лицо гладкое, а кожа такая белая, что казалось, светится в темноте. Осанка жесткая, горделивая, как у князя. И поглядывает на него, на Выха, брезгливо, как на таракана какого. Раздавленного. Глаза холодные, как будто перевернутые. И имя странное, чужое, холодное, под стать глазам — Ольм.

Третий — смуглый, маленький, ростом, верно, лишь на полголовы выше Выха, но в плечах мощнее его — не сравнить. Молчит все время. Только глазами черными зыркает по сторонам. И постукивает время от времени по голенищу плетью. Нетерпеливо.

А последний... На него Вых смотреть боялся даже искоса. Плащ на манер монастырского был тому виной или то, что незнакомец поворачивался на каждое движение Выховой голы?

«Не поймешь — большой, ссутулив плечи, стоит или на самом деле невысокий? С макушки одна ткань... Да столько, что хватило бы всю семью обшить. Вроде монах — ряса, подпоясанная скрученным кожаным поясом, четки петлей каменьев кольшутся... А с другой стороны — странный больно для монаха...»

А вот бабенка с ними явно бесноватая. А и то, какая иная с мужиками бедовыми таскаться по ночи будет? Вых так решил сразу, как только ее увидел. Крикливая, с нервным, подергивающимся лицом и колтуном непонятого цвета волос на голове. Не женщина, одним словом, с виду пацан-подросток с торчащими ключицами и худыми запястьями.

Вых закончил наконец свое мудреное занятие, поднялся с лавки. Поняв, что вот именно сейчас мужу придется все-таки выйти из-под родного крова, Леветина тихонько взвыла. Она посторонилась, пропуская всех пришлых на выход. Вжалась в угол, чтобы никак даже краем одежды не испачкаться от соприкосновения с ними. И стремительно вынырнула из своего убежища, чтобы лишь на мгновение уткнуться лицом в плечо уходящего Выха. И тут же отпрянула, горько заплакав навзрыд, утираясь уголком платка.

— Да не ной, хозяйка! Чай не на войну его забираем! Рановато оплакивать-то! — Женщина-подросток ловко приладила

хлыст за голенище сапога. — Хейя, Гыд, выезжаем! — Она легко вспрыгнула на лошадь позади меньшого всадника. Прижалась к его широкой спине и оказалась одного с ним роста — макушки, колени и ступни на одном уровне. — А ты, мужичок, влезай на мою кобылу. Своей, поди, разжиться не успел.

Вот этого Вых ну никак не ожидал. Домашние животные, в отличие от диких, были для него загадкой, а высоченных лошадей он и вовсе даже боялся.

— Я, это... — Он кашлянул, прочищая горло. — Мне оно, того... пешком сподручней будет.

— А нам пешком несподручней, — пробормотал Вых, все еще мысленно соизмеряя высоту лошади со своим ростом. — И так-то оно быстрее, конечно...

— Вообще-то путь неблизкий, — пробормотал Вых, все еще мысленно соизмеряя высоту лошади со своим ростом. — И так-то оно быстрее, конечно...

— Не бойсь, задохлик, — усмехнулся всадник, — поедем шагом.

Вых оглянулся. Леветина все так же стояла, тяжело привалившись к дверному косяку. Поймав взгляд мужа, женщина взвыла чуть громче. Душу Выхову царапнуло что-то нехорошее, противно-лохматое.

«Дай бог, не последний раз видимся, — подумал он, глядя на все больше утопающий в темноте силуэт жены. — Эх, жизнь! Что так, что этак, все одно помирать когда-нибудь придется. Только вот прямо сейчас не хочется. Сейчас бы выдюжить. Не пропасть. Не сгинуть. Так-то оно и выйдет — а как иначе? Не может быть такого, чтобы на роду Выхову было написано помирать так скоро! Не, шалишь, выкручусь! Ох, только б этот шестой не подох по дороге».

Тревожные предчувствия не обманули Выха. Шагом никто ехать не собирался. Уже после первых двадцати метров лошади перешли на легкую рысь. Зубы Выха клацали в такт перестука копыт, а сам он елозил по спине кобылы из стороны в сторону.

— Первый раз в седле? — бросил тот всадник, который раньше обозвал его задохликом.

Вых кивнул. И поблагодарил Бога, что ему не пришлось в голову отвечать вслух — если всего лишь кивая, он умудрился прикусить себе язык, страшно даже подумать, что бы произошло, реши он всерьез пошевелить челюстью.

Бородач неодобрительно покачал головой, но ничего не сказал.

Вых судорожно вцепился в вожжи, стараясь поймать движение лошади, понять его и слиться с его ритмом. Это никак не удавалось — лошадь то и дело храпела, сбивая шаг. Явно стараясь показать, что соседство с лесным человеком ей удовольствия также доставляет мало.

Что поделаешь, лесные люди и прирученные животные не привыкли доверять друг другу. Лошадь не доверяла запаху дикого леса, возникшему неожиданно-негаданно на ее спине, а Вых доверял своим собственным ногам больше, нежели чьим бы то ни было.

Все знают об этом.

Вернее, видимо все, кроме этих пятерых. Так что Выху только и оставалось, что неумело трястись на лошадке да молиться, чтобы наезженная дорога осталась позади, а норовистая кобыла не взбрыкнула задом, скидывая его себе под ноги, чтобы втоптать в придорожную пыль.

Скоро, к своему неудовольствию, он отметил, что, если бы раненый не стонал при каждом неудачном толчке подводы, вся кавалькада уже бы летела самым быстрым аллюром.

«Ну ладно, понесло их ночью через болото — меня из сна выдернули: веди через топь прямо сейчас! Может, и правда за товарища переживают, прикипели к нему душой, боятся, что до рассвета недотянет, болезный. Все мы под Богом ходим, кто знает, кому в который час?.. Но сейчас-то зачем так бежать? Скакать так зачем? Этому на подводе лучше от этого, что ли? Не ровен час, все его раны разом откроются и истечет он кровушкой, а меня, горинушку, человека подневольного, в лесу порубят со злости душегу-у-убы! — Вых обернулся и поймал на себе взгляд деревенского возницы. И как будто глянул на свое отражение. Взгляд у того был той же волчьей тоской полон. Тоской, когда волчья лапа в капкан попадает. Видно, парня обуревали те же мысли, что и Выха. Может, и не виноват он, может, зря я на него так подумал. Может, вынудили его дом мой указать? Может, смертью грозили? Ему или семье его? Если рассудить, так это ж не в первый раз вот так вламываются... Орут, шумят, будят. Детей пугают... Прав был брательник мой. Прав как никогда. Это когда еще Них говорил: «Перебирайтесь оттудова. Непокойно у вас там стало. А будет еще шибче». Ему-то как можно было не поверить и тянуть кота за хвост с переездом? Сам-то Них от таких вот бродяг вдоволь настрадался. Пошел как-то раз сопровождать одну парочку до Харада, а вернулся со шрамом через всю спину и только половиной от всех обещанных денег.

И почему приходится открывать эту треклятую дверь каждому, кто громко стучит? Нет, надо, надо уходить. Поглубже в лес, подальше от людей. Опять охотой да рыбным промыслом жить... Да... Вспомнить предков обычаи...»

Вых с надеждой взглянул на возвышающийся вокруг темной стеной лес.

Он лесной человек. Лес не оставит его. В лесу много тропок. А лазеек еще больше. Места здесь такие — деревенские ведь не зазря болотную топь проклятой прозвали. Уж больно много народу в ней сгинуло безвозвратно.

Обычных людей природа лазеек и их свойства, так удачно используемые Выхом и его родственниками, пугали до невозможности. Как тут не испугаться, когда попадаешь совсем не туда, куда держал путь. И, более того, выбраться оттуда не можешь.

«Только бы, как заедут в чащу подальше, случай подходящий подвернулся. Много ума не надо: свалился с коняги в кусты в нужном месте, к лазейке поближе, и ноги в руки», — думал Вых. Бешеная чехарда мыслей постепенно приходила в норму. Его они не догонят. А назад к дому вернуться — никого не найдут. Дети погребным ходом ушли, Леветина тоже не дура — уже наверняка к своим в деревню спустилась, а те родичей прячут надежно. В этом плане круговая порука вещь весьма и весьма удобная.

«А можно так вообще из одной лазейки в другую скакнуть, а банду эту посреди прохода и бросить. Сколько они там по ней проплутают, пока выход найдут, и где выйдут... Вот как если подтянуть ноги повыше на седло и оттолкнуться ступнями и коленями...» — Вых почувствовал легкое движение позади шеи. Как будто кто-то подул в затылок. Он чуть повернул голову и тут же уперся взглядом в черную тень под капюшоном. Незнакомец в монашеском плаще догнал его и ехал совсем рядом.

— Даже не думай, — тихо сказала тень.

Волосы на макушке Выха приподнялись: «Откуда он...»

— От твоих мыслей так несет. — Всадник не отворачивал лица, вернее темноты, скрывающей его лицо в раструбе капюшона, потому что даже смутных черт лика разглядеть Вых не мог, как ни старался. И ему приходилось глазеть, словно в черный провал под кромкой плаща. Он смотрел и вспоминал, вспоминал и тут же хотел забыть.

Он вспомнил свой недавний страх.

Тот страх, который пересилил, и боязнь подпаленной крыши, и недоверие к незнакомцам. Тот страх, который все же больше похож на ужас.

«Так вот почему мы открыли дверь...»

Из памяти вынырнула картинка: Леветина, сидящая на сундуке, за ее спиной тонкие нити щелей двери. В которые бьется свет от огня факела.

— Открывай! Открывай дверь! А то спалю все на хрен! — кричит за дверью женщина.

— Нет времени, — говорит кто-то другой. — Рина, отойди.

И вдруг свет исчезает. Как будто его кем-то заслонили. Как будто кто-то прижался к двери с наружной стороны. Леветина взвизгнула, спрыгнула с сундука, и вот тут Вых увидел, что затмило свет за ее спиной.

Чернота и холод проступали сквозь доски двери.

Дым от костра, в котором горят смоляные ветки. Клубы валят сквозь щели дверного полотна так густо, будто двери нет. Как будто она нараспашку, а костер на пороге. Да не один костер — несколько, по всем косякам, потолку. И ото всех — дым. Но он не расплзается по комнате. От него нельзя отмахнуться, разгоняя плотный смог, и нельзя вдохнуть — нельзя задохнуться, угореть. Его можно только испугаться. До смерти.

Густые облака дыма стремительно проникали в дом как под порывом сильного ветра. Как если бы налетел шторм и обрушился всей силой на несговорчивую преграду. Сгибая дверь, просачиваясь тонкими жесткими струями сквозь каждую найденную щель. Но только ветра снаружи не было, а дым все равно проникал вовнутрь так, как будто дом сам решил его всосать в свое холостое нутро.

Холодный дым без запаха — он и не дым вовсе.

Пелена зависла над порогом. Вых видел, как блестят за ней на двери и стенах капли влаги. Это притягивало к похолодевшим поверхностям дыхание ночи. Капли медленно скользили вниз.

Раз — и темнота сгустилась в фигуру. Обращенное к полу лицо скрывали темные, спадающие до плеч волосы. Монах медленно поднял руки и надел капюшон. Его тень надежно спрятала лик, и только тогда он поднял голову и тихо произнес:

— Вам необходимо открыть дверь.

Сердце у Выха колотилось где-то в горле. Он не мог видеть лица монаха, но точно знал, что тот смотрит прямо в его глаза. Или даже глубже — в самую середину сердца.

— Ничего не было, забудьте все это, так ведь не бывает, — донеслось из-под капюшона. Монах отступил к стене. — К вам очень сильно стучали, и так как по-другому было нельзя, вы просто открыли дверь...

Вых судорожно сглотнул. Укутанный плащом всадник по-прежнему ехал рядом. Руки в матовых черных перчатках держали повод, колыхались черные в черной ночи складки ткани. Темнота казалась втягивающей. Выху пришло в голову, что, если долго не отводить взгляда от этой фигуры, можно в ней погрязнуть навеки. Опрокинуться в нее всеми своими воспоминаниями и не выплыть. Ни секунды он не сомневался, что, если монах повернется вновь и придвинется ближе, принуждая взглянуть в глубину под капюшон, именно так и случится. И сгинет Вых, забыв, кто он. Потеряет себя без надежды найти вновь.

«Да кто ж они такие, господи?» — пронеслось в голове проводника.

— Тебе не стоит этого знать, — ответил монах.

А Вых подумал, что волосы теперь у него будут стоять дыбом до конца жизни.

С каждым шагом они все дальше и дальше углублялись в лес.

— Ка-а-акие со-о-осны! В жизни таких высоких не видела, — протянула из-за мужского плеча Рина. Она запрокинула голову и раскинула руки. — После муторных потловских равнин наконец снова оказаться в лесу! Это какое-то невероятное счастье. Я лечу!

Ее притороченная к плечам накидка прочертила в воздухе полукруг, когда девушка резко обернулась к монаху.

— Эй, Шелест! Смотри, я как летучая мышь, летаю только по ночам и только по лесам! Слышь, Шелест, а наш лесовичок, часом, не попытается сбежать?

Монах пожал плечами:

— Кто может знать?

— Тьфу ты, — ругнулась женщина. — Я же по-человечески спрашиваю... Я тут подумала, может, ему руки стоило связать? Или ноги? Может, он тоже того, полетать вздумает? Лес, он вдохновляет... На разное...

— Не сбежит, — хохотнул ехавший в арьергарде черноволосый предводитель. — После разговора с Шелестом мало кто бегать может. Некоторые вообще забывают, как это ходить, не то что летать. И все вдохновение побоку... А, задохлик? Что скажешь? Проняло тебя?

Вых смолчал. У него и правда отнимались ноги.

— Не бойсь! — Тут его хлопнули по плечу, да так, что он чуть не свалился, как и мечтал, на землю. — Мы люди не злобные!

Это заявление было настолько неожиданным, что Вых даже нашел в себе силы удивиться. Он-то ни минуты не сомневался как раз таки в обратном.

— Гыд, Рина, дуйте вперед на четверть лиги, проверьте дорогу, пока Шелест перевязки поправит.

Монах, которого звали Шелестом, спешился и, подойдя к подводе, склонился над раненым.

— Леса-то здесь беспокойные. А, задохлик? Что скажешь? Непокойно тут у вас в лесах по ночам-то? Х-х-х... — Бородач подмигнул левым глазом и осклабился. — Да не удивляйся ты! Знаю я здесь все окрест, знаю. И тебя знаю, само собой. Саммар меня зовут. Может, припомнишь?

Знать не знал Вых никакого Саммара. В жизни в глаза не видывал.

«Бандит — он бандит и есть. Тот ли, что врывается ночью, или тот, что наведывается в конце каждой осени с гербовой бумагой. Все одно — пили кровь, пьют и будут пить. — Вых сплюнул. — Хотя и мы тоже не лыком шиты. Жучкуем помаленьку.

Саммар — хоть горшком обзови... или нет, постойте... Как же, как же — Саммар! Но как давно это было. Как давно... Полноте, да тот ли это Саммар? — Вых испытующе воззрился на всадника. — Столько годков прошло, не узнать мне... Прятался в этих местах один беглый харадец, прирезавший потловского сотника, да не простого, а княжеского. Много шуму тогда наделал. Столько дружинников шастало — больше чем белок. Чуть весь лес не вытоптали. — Память унесла проводника на четверть века назад. Когда еще не было проезжей колеи — дороги, стрелой вонзившейся в лес, когда бродившие как перекатипole банды запросто останавливались в деревне на ночлег, а княжеский приказчик перемещался под охраной чуть ли не всей княжеской дружины. — Эх, сумрачное было времечко... Грызня... То князя друг с другом сцепятся, то банды между собой перегрызутся, а то и дружину в леса погонят... Ох и лилось кровушки... Коли тот Саммар, что мне вспомнился, — лихой человек. Силы немереной, отчаянный. Поговаривали, что мстил он люто, резал врагов на кусочки и самому князю подбрасывал каждое утро прямо в залу. А потом он еще и бунт учинил».

Сменялись князья, вспыхивали деревни, горели княжеские светлицы...

А дом Выховых предков меж тем не разоряли, ну и самих жильцов обижали не шибко. Лесные люди нужны были всегда. И тем, и этим.

«А как же, если проклятое болото под боком? Кто банду от княжеской дружины через топь проведет, от погони укроет? Кто князя с его тельниками в лесу под самым носом у врагов спрячет? Одних через лес туда, других обратно... А что поделывать-то? Что для простых людей проклятие, для лесных благословением оказалось. Тем и жили всегда. Даром что за ровню себе не считает никто...»

Вых подумал еще немного на эту тему, посмотрел искоса на своих спутников и со вздохом решил, что с того времени мало что изменилось и спокойней стало ненамного.

Когда наконец все успокоилось, вернее, когда все горячие головы упокоились — воевать стало некому и не с кем, тогда люди взялись за лес.

Надо сказать, что поначалу Выхов дом, как и положено дому лесного народа, стоял не на отшибе, поодаль деревни, а на солнечной полянке, где порушил вековые деревья давний бурелом.

Родители родителей Выха расчистили это место, развели огород и крольчатник. Тогда частокол было возводить ни к чему, дикого зверья им бояться причин не было, а люди в такую глушь заходили редко, и то только по делу.

Сначала Выхи (именно так: отца Выха звали Выхом, и их деда, и, называя старшего сына, Вых не отошел от традиции) наловчились торговать с деревенскими жителями кроликами, белкой и другой мелкой зверушкой.

Торговля шла бойко — битое мясо было вкусным, а шкурки шелковистыми. Маленькие торговцы были на редкость сговорчивы и почти всегда сбавляли начальную цену. К нежному и дешевому мясу в деревне пристрастились очень быстро. Но вот незадача — купленные у них на развод живые зверьки в скором времени непременно и таинственно дохли.

Потом выяснилось, что лесные люди прекрасно ладят с проклятым болотом. И Выхи стали водить по лесу людей. Хлопот меньше — выгоды больше.

«Без Выха пойдешь — с дороги свернешь. На проводе копейку зажимаешь — месяцок потеряешь», — стали поговаривать в деревне. Там сразу подметили, что чем лучше оплачена дорога, тем она короче. Даже совершенно прямую дорогу, оба конца которой видны невооруженным глазом, с Выхом и без него можно было пройти за совершенно разное время. В чем была тайна, не знал никто, но за то, что она несомненно была и была весьма удобна, платить никто не отказывался. Знающие люди из близлежащего Рымана нередко заводили в деревню торговые обозы для провода их в Княжград или Потлов.

Обычный торговый путь шел по реке и занимал больше двух месяцев. И то, если погода не зашалит и не вздумается ей шуткануть с путниками.

Вых, пользуясь своими знаниями, доставлял всех до требуемого пункта назначения за считанные дни. Иной раз купцы за чарочкой делились соображениями о непонятном свойстве Выховых дорог. То, что все они, какое направление ни возьми, шли через болота, это ни у кого удивления не вызывало. Тут, на левом берегу Бура, куда ни плюнь — одно сплошное болото. А вот куда пропадали непременно должны возникнуть сразу за болотами Харадские горы, было совсем непонятно.

Кто-то считал, что лесные люди располагали тайными знаниями о проходах сквозь горы, в народе сочинялись сказки о древних полуразрушенных тоннелях и видных только в определенные часы под полной луной тесных ущельях. Но слухи эти, как правило, распространяли те, кому услугами проводника пользоваться никогда не доводилось. Купцы же в споры не вступали, хитро посмеивались, лишь между собой перемолвиться могли — что гор-то Харадских на их пути как будто и не было. И даже тень от их кряжей не падала на подводы.

Иной раз проскальзывало в их речах слышанное от проводника простое и ничего не объясняющее другим слово «лазейка». Одни склонялись к тому, что уставшие путники не могли разглядеть гор в густом тумане или запросто просыпали их появление, другие — что это древнее, известное только лесному народу колдовство.

Перейдя полностью на услуги провода, Выхи, чтобы их перестали доставать с кроликами, принесли в деревню особую травку, научили, как ее заваривать, — и падеж ушастых прекратился. Кролики стали размножаться стремительно, и уже покупать их никому в голову не приходило, впору было самим начинать торговлю.

К слову сказать, это была проверенная схема. Уже несколько веков сначала для налаживания связей с местным населением внедрялись кролики, потом — услуги провода.

И можно было бы сказать, что жизнь свою Выхи на новом месте наладили, если бы не одно «но». Под натиском начавшегося в округе строительства лес отступал. Обнажались холмы, зверье уходило в чащу. Когда вокруг лесного домика вырубил последние деревья, на семейном совете было решено перебираться к родне в Северные леса. Там для них уже была предусмотрена очередная солнечная буреломная полянка.

Родители Выха, обе замужние сестры и семьи двоюродных братьев перебрались при первой же возможности. В большом

теперь доме остался сам Вых и его младший брат с семьей. Жена Ниха была в бремени, и он боялся пускаться с ней в такой далекий путь. Так они и жили некоторое время, пока Ниху однажды крайне не повезло с провозом. Он ушел с путниками по дороге в Харад и пропал. Вых забил тревогу, пустившись на поиски, и просил всех лесных людей оказать помощь и найти его брата. Организованная им кампания была в самом разгаре, как вдруг Них вернулся сам.

Бледный, дохлый и отказывающийся что-либо рассказывать. Поперек спины был шрам, оставшийся от глубокой раны, сшитой чьими-то умелыми руками, а в сердце малорослика поселился страх. Перед всеми и перед всем.

Ставший неразговорчивым Них, как только пришел в себя и набрался сил, собрал все необходимые для переезда вещи и уехал вслед за отбывшими ранее родственниками. Вот так и вышло, что вся семья уехала, а Вых поперек всех — остался.

Сначала он тосковал и даже жалел, что не сорвался с места вместе со всеми. Но потом прошло время. Он по привычке. И влюбился в смешливую девушку из деревни. Да так сильно, что надумал жениться. Родственники были, конечно, против. Не следовало ему, нарушая обычаи, приводить в дом женщину другого народа. К слову сказать, Леветинина родня так вообще была в ужасе. Соседству с Выхами они были рады, но за людей их все же не признавали.

Но время шло, один за другим родились дети, и гостившая по праздникам лесная родня уже принимала Леветину за свою кровь, а деревенские перестали плевать через плечо после его ухода и за глаза называть «нежитью». Так и стал Вых для одних зятем, для других свояком, а для третьих — сородичем.

Старшие сыновья Выха получились рослыми, в мать. Вых боялся, что и век их будет столь же недолог, сколь короток он у деревенской ребятни. Хотя многое, очень многое передалось им от отца. Едва заметные тропки они читали не хуже его самого, лазейки чуяли уже больше чем на лигу вокруг и с зверьем лесным управлялись лихо, так что надежда в Выхе еще теплилась.

Надежда на то, что в его детях больше от природы, чем от людей.

Гыд и Рина ждали попугчиков на краю самой дальней лесной вырубке. Дорога обрывалась, за этой рукотворной поляной не было уже ничего людского.

— Чисто все. — Гыд спрыгнул с ветки.

— Совсем никого, — промурлыкала девушка, — даже жалко...

Деревенский парень на подводе делано закашлялся. Он подождал, пока все обернутся, перестал кашлять и сказал:

— Извиняйте, конечно, но телега дальше не проедет. — Он скованно повел рукой в сторону зарослей и пояснил вслух, для тех, кто все еще не понял: — Лес там...

Ауриса отпустили с миром. Раненого с подводы переложили на импровизированные носилки из прочных реек и двух плащей. Закрепили их промеж двух гнедых. Перед этим монах что-то долго шептал над раненым и водил ладонями, не касаясь самого тела. В какой-то момент человек открыл глаза. Шелест приподнял его голову и смочил губы жидкостью из фляги. Остановившийся взгляд немигающих глаз прошел сквозь Выха, словно не замечая его. Раненый, несомненно, был погружен в то странное бессознательное состояние, которое все это время удавалось поддерживать монаху.

Они шли очень долго. Никто из путников не заметил, когда лес сменился болотом. Шли цепочкой. Пришлось отвязать носилки и нести их по очереди — иначе было не пройти по тонкой полосе относительно твердой почвы, которую пунктиром намечали следы идущего впереди всех проводника.

Кони храпели, оступались и проваливались в топь. Дарина недовольно ворчала себе под нос, потом примолкла, сосредоточенно помогая лошадям по примеру мужчин. Уже давно все замедлили от усталости шаг, только Вых как заведенный прыгал с кочки на кочку.

В какое-то мгновение хмураяся все больше Рина не выдержала.

— Кажется мне, что он нас заводит, — довольно громко, ни к кому конкретно не обращаясь, сказала она. Остановилась. Смахнула тыльной стороной ладони пот со лба. И крикнула: — Саммар! Ты слышишь? Он заводит нас! Ты что-нибудь видишь в этой темноте? Нет? Я тоже. Что может видеть он? То же, что и я. Ничего, значит!

Саммар, не останавливаясь, топал за проводником. В Рину врезался следующий по ее следу Ольм:

— Пойдем. Не стой долго на одном месте — это болото. Засосет топь.

— Да вы что все, не понимаете? Он нас заведет, а сам спрячется за какой куст — и все! Кто нас выведет? Я говорю — дорожку запомнил кто-нибудь?

Ольм обогнул Дарину, проваливаясь по колено в мутную жижу.

— Если тебе... что-то не нравится... можешь оставаться... или возвращаться...

Женщина посмотрела на свои медленно погружающиеся ноги. В сердцах плюнула:

— Куда можно дойти по такой грязи? А она не кончается и не кончается!

Остаток болотистого отрезка пути шествие сопровождало примешивающееся к чавканью и хлопанию из-под ног бормотание Выха:

— Я — и заведу! — Он возмущенно открещивался, напроочь отрекаясь от своих собственных недавних мыслей. — Я — лесной человек — заведу и брошу! Тьфу, пакостница какая!..

Небо на востоке светлело. Как и полагается небу в преддверии рассвета.

Путники вышли на поляну. Вых сделал пару шагов и сел на торчащие из земли, как диковинные гребни, древесные корни. Вытянул уставшие, гудящие от тяжести ночного перехода ноги. Настроение у него было преотвратительное.

— Все. Пришли.

Земля под его ладонями была холодная, влажная — уже недалеко до утренней росы. Когда земля последний раз выдохнет сбереженное от предыдущего дня тепло в стынущие предрасветные сумерки.

— Дальше через холм пойдете, аккуратно вот так... — Он рассек воздух резким взмахом руки, указывая направление. — И прямо на избу этой бабы и выйдете.

Дарина легко спрыгнула с седла и присела на корточки рядом с проводником:

— Пришли, говоришь? А дальше сами, да?

Вых нахохлился еще больше и не счел нужным ответить. А зачем дважды повторять то, что уже сказано?

Вплотную подъехали Саммар и Шелест. Саммар смотрел в упор:

— Ну?

Фигуры возвышались над проводником мрачно и угрожающе. Пришлось подняться.

— Чего ну-то? Пришли, — повторил Вых. Он переводил взгляд с одного всадника на другого, явно не понимая, чего от него хотят.

— Пришли, — подтвердил Саммар. — Это я понял. Куда-то мы пришли, однозначно. Стоим теперь почему? Тебе передохнуть, что ли, надо?

— Да нет, — Дарина облокотилась о ствол одной рукой и подбоченилась другой, — этот милый друг решил, что дальше мы будем пробираться сами, без его помощи.

— Сами дальше? — удивился Саммар. — Ты, часом, не заболел, задохлик? Тут лес кругом, чаща! Если б я в лесных знаках разбирался, на кой ты мне нужен был бы?

— Не чаща совсем! — Вых пятился назад от шедшей на него грудью лошади Саммара, пока не уперся спиной в замшелую поверхность дерева. Лошадиная морда жарко дышала совсем близко. И как в кошмаре примерещилось Выху возможное следующее движение животного — взметнувшиеся вверх копыта, блеснув подковами, обрушиваются на его, Выха, впалую грудь.

— Не чаща? А что? Степь голая? А почему тогда деревьев вокруг полно?

— Да потому что это край леса.

— Так и веди нас за край!

— Не могу!

— Это еще интересно почему?

— Да потому что мне туда нельзя!

— То есть туда, — Рина показала рукояткой смотанного хлыста себе за спину, откуда они пришли, — тебе можно, а туда, — она перенаправила хлыст прямо в противоположную сторону, — тебе категорически воспрещается?

— Да! — радостно выдохнул Вых, впервые глянув на женщину с уважением и признательностью. Наконец-то его услышали и поняли. Какая оказывается, хорошая женщина!

Рина прищурилась, костяшки ее пальцев, сжимающие хлыст, побелели.

— Саммар, он все-таки завел нас! Зараза! Как пить дать, где-то здесь княжеский дозор засел! — Она замахнулась на проводника и зашипела прямо ему в лицо: — За копейку хочешь сгубить наши головы?

Рука в черной перчатке перехватила ее хлыст с другой стороны, не давая нанести удар.

— Успокойся. Он правду говорит. Ему на самом деле туда нельзя.

— А какого лешего ему туда нельзя? Не иначе лучники засели и стрелять будут в темноте на звук шагов любого, кто приблизится! Оттого и нельзя! Засада там!

— Засада на краю болота? — Шелест усмехнулся. — Ты слишком хорошего мнения о непритязательности потловской дружины.

— Это из-за их неприязнительности, — Дарина захлебнулась гневом, сглотнула и снова перешла на злобное шипение, — Годэ сейчас лежит с дыркой в брюхе? Тебе прошлого раза мало, монах? Память настолько короткая? Или думаешь, за одной подставой другой случиться не может? А вдруг они перестраховаться решили и для верности еще пару сюрпризиков организовали? Кого еще из нас ты решил угробить?

И вот они снова стоят в ряд перед ним. Как в тот самый момент, когда распахнувшаяся дверь дома явила их перед его глазами впервые.

Нервная Рина с подрагивающим в прищуре уголком глаза, закушенные обветренные губы, быстрые резкие движения.

Мощный Саммар. Обрамляют широкий лоб, спадая на плечи крутыми волнами, слипшиеся воронье пряди. Нахмурившись, он трет левой ладонью бороду, закрыв при этом огромной ладонью большую часть лица. Правая рука на потертom замшевом подфляжнике, вокруг кисти обернут повод. Пальцы танцуют в ритме его мыслей.

Темный монах — тайный шепот ночи под плащом. Скрывающиеся в складках струящейся ткани чужие страхи.

Приземистый, юркий Гыд с точеным профилем горца. Все его движения такие осторожные и в то же время точные, и сам он — словно продолжение каждого своего движения.

Молчаливый светловолосый выходец из Озерного края Ольм, еще больше побледневший после бессонной ночи. В холодных продолговатых глазах — вода северных озер. Олово разбавлено лазурью и затянута льдом. Он очень молод, но глаза уставшие, такие не у каждого старика увидишь. И кажущиеся в этом освещении седыми волосы довершают диссонанс в его облике. Они тоже намного длинней, чем привычно Выхову глазу.

Наверняка, если сдернуть стягивающую их на затылке в хвост перевязь, они рассыплются, закрывая его плечи до самых лопаток светло-пепельной волной. Ольм хмурится, пристально вглядываясь в почти детскую фигурку проводника. Его сосредоточенность тоже не сулит ничего хорошего? Или он все же пытается понять? Хотя бы он...

И в каждой фигуре Выху чудилась смерть. Он понимал, что его не слышат. Даже не пытаются услышать. Смерть была везде — прямо перед ним в тених спешившихся всадников, на носилках в раненом со стеклянным взглядом и поднимающейся через раз от непосильных вздохов грудью, ею же пахло и со стороны края леса.

«Ну почему? Я же привел их! Им нужно было сюда — и я привел!» — Вых сильнее вжался в дерево. Пробежал пальцами по коре, узнал — молодая березка. Он развел руками.

В бессилии.

Обнимая лес.

— Вы хотели сюда — я привел. Дальше если пойду — смерть мне. Совсем.

— А если не пойдешь? — Дарина вопросительно подняла уголок брови, делая многозначительную, не требующую словесного ответа паузу. Улыбка у нее была зловещей.

Намеченные рассветом тени подползли к ступням проводника. Сейчас его накроет их пересечением. Вых захотелось вжаться в кору, и тогда тени скользнули бы над ним, не причинив вреда.

— Почему... — тихо и медленно проговорил Шелест. Интонация его голоса была изменчивой — как будто вопрос, еще не заданный, уже получал сам ответ на себя.

Вых в отчаянии переводил взгляд с одного ствола на другой.

«Нет здесь его, нет! Надо было с другой стороны подойти — да только путь через ту лазейку почти на четверть длинней. Но кто ж знал, что они так взбеленятся! И главное, с чего? Этот Саммар еще местным назвался! Какой он местный, если не доходит до него, из-за чего Вых не в силах переступить границу леса?»

Все более разбавляемая светом синева ночи уже позволяла разглядеть рисунок коры на соседних деревьях. Вых весь обратился в зрение, ища взглядом, ощупывая им каждое дерево. И он увидел.

Доказательство.

Знак.

На уровне глаз вырезанная бороздами снятых полосок коры темнела раздвоенная книзу вилка со скошенными влево рожками.

— Так вот же! — произнес он. Вышло торжественно и значимо. — Видите?

Этот знак не мог быть им незнаком. Потому что он был знаком всем.

Ольм присвистнул:

— Ого! Так вот оно почему... Откуда это здесь?

— Саммар, ты знал, куда мы идем? — Шелест тронул пятой коня, разворачивая его назад. — С самого начала? Тогда чего вы на него взъелись? Нашему проводнику абсолютно точно границу этого знака переходить не стоит.

Саммар пожал плечами:

— И что с того?

Дарина подъехала поближе. Провела ладонью по стволу, прочертив пальцами по шраму на дереве.

— Это что? Ведьмовские письма? Где-то я такие видела...

— Это руна. — Голос Шелеста был холоден. Холоднее глаз Ольма, холоднее лесной земли. — Она предупреждает о живущем здесь. О том, кто он. И какой обладает властью.

Ольм, сощурившись, глянул на темный капюшон и усмехнулся:

— Берегиня. Так, Саммар?

— Берегиня. — Гыд жевал хвойную иглолку. — Знахарка, что ли? Что с того-то? Мы ж навряде как к ней и шли...

— Берегиня — не знахарка! — возмущенно взвизгнул Вых. — Ежели вам к знахарке требовалось, так и надо было сказать! Это вообще совсем в другую сторону! Но только знахарка вашему сотоварищу чем поможет-то? Тогда уж лучше сразу к плакальщицам его тащить надо было!

— Поговори еще мне! — снова замахнулась на него Рина.

— Берегиня — не знахарка, — повторил за проводником Ольм. Он внимательно посмотрел на Саммара. — И вот я думаю, может, зря мы сюда шли? Годэ, как ты сам понимаешь, здесь персона нон грата еще поболее, чем наш проводник.

Вых усиленно закивал, ощущая слезливый прилив благодарности к длинноглазому выходцу с севера.

— Да-да, и я это... я — персона... еще похлеще персона... — Он не совсем хорошо понимал, что именно означает только что услышанная фраза, но по его ощущениям она подтверждала, что переходить обозначенную руной границу его все-таки заставлять не станут. Повторение слов придало уверенности. И Вых ухватился за этот намек на восставшую из пепла, чуть было не утерянную им полностью надежду о его возможной скорой безопасности. — «После этого пусть только кто-нибудь попробует мне сказать, что с переездом можно еще повременить! Все! Хватит! Как только доберусь до дома, начну сборы. Надоело!»

— Да и я далеко не самый желанный гость. Радости от встречи будет мало. Что ж, — Шелест перекинул ногу через луку седла и спрыгнул на землю, — видимо, все идут вперед, а мы ждем... — Он посмотрел на Выха. — На какой стороне поляны мы их ждем?

Вых неопределенно махнул рукой куда-то на северо-восток.

— А далеко, как я погляжу, ваш орден способен загнать того, кого счел прокаженным. — Ольм, проезжая мимо, стрельнул в спину монаха прищуренным глазом.

— Да, наши умеют стараться. С этим не поспоришь, — через плечо в ответ бросил Шелест. — Но, пожалуй, в этом конкретном случае я все же удивлен не меньше тебя.

Проводник с Шелестом побрели в ранее указанном направлении.

— И правильно! Правильно, — сказала им вслед Дарина. — Пусть остается. Должен же кто-то за ним присматривать.

— За Шелестом? — хохотнул Саммар.

— За задохликом, — совершенно серьезно ответила Дарина. — Вдруг сбежит. Ну, раз нам туда надо, а ему туда запрещено. Кто его догонит по этой грязи-то?

Покрытый лесом холм пересекли быстро. Это действительно был край леса. На другой стороне у подножия холма полоса деревьев редела, начинались поля с еще не по-осеннему непрямой травой.

Лошади шевелили ушами и фыркали, нюхая воздух. Дарина привстала на стременах, вытянувшись как стрела вслед за взметнувшейся, указывающей в сторону, противоположную восходу солнца, рукой:

— Вот смотрите!

Встающее из-за их спин солнце побежало волной рассветных бликов по волнуемому под лаской ветра морю травы. Брызнули в разные стороны зайчики, рожденные из мириадов капель росы.

— Красиво, — согласно пробормотал Ольм, с удивлением воззрившись на внезапно открывшуюся со стороны ценителя красот природы Дарину.

— Да не туда! Левее смотрите! Вон хата! Видите?

Когда до деревянного сруба оставалось не больше полусотни шагов, Гыд предостерегающе поднял ладонь:

— Послушайте — голоса... — Он перешел на шепот. — Там не спят.

Отсюда уже отчетливо были видны огоньки двух ламп в окошках домика.

— Ведьминские глаза светятся, не иначе. — Дарина сплюнула. — Может, мне отсюда повертаться стоит да к Шелесту податься? Не охотница я до таких забав, чтоб считай до петухов еще к хвостатым бабам соваться...

Спешились они почти у самого крыльца. Саммар два раза стукнул в двери.

— Наверное, тебя не слышат. — Дарина спрыгнула с седла и подошла к носилкам. Два стоявших рядом коня, гнедой Гыда и вороной как смоль жеребец Годэ, были связаны за кольца упряжи с тем, чтобы расстояние между ними сохранялось в полтора локтя.

Между лошадьми были закреплены носилки, состоявшие из двух жердей, связанных арканом, идущим от одной к другой палке, несколько раз пересекающим сам себя крест-накрест, в виде сетки. На нее были натянуты два плаща. Третий укрывал Годэлиска от подбородка до пят кованых сапог из темно-коричневой вывернутой кожи.

Рина бросила на носилки быстрый взгляд.

— Какой он мертвенно-бледный, ужас просто!

— Сплюнь! Тоже мне, нашла слово — мертвенно... Это поэтому ты ни разу к Годэ не подошла за все время? — скривился Гыд, который на протяжении всего времени вел под уздцы обеих лошадей. Он изо всех сил старался, чтобы их шаг доставлял минимум дискомфорта раненому. — Верный боевой товарищ... Не переживай, эта бледность не заразна.

Дарина фыркнула.

— Мне, по-твоему, следовало омыть слезами его раны, и у него бы все прошло? Зачем мне подходить к нему? Шелеста было довольно. А я не монах, не знахарка... — Она перевела взгляд на Саммара. — А ты стучи громче, тебя и мыши не испугаются.

— А нам как раз не надо, чтобы нас боялись. — Ольм прошел вперед. — Пусти-ка... — толкнул плечом, открывая дверь: — Добра в дом ваш! Добра и света!

Полог, отгораживающий сени от остальной части дома, был откинут. Холст домотканой материи скручен и протянут за провисшую под потолком веревку.

— Надо же, — сказала выглянувшая из-за мужского плеча Дарина, — блинчики жарят. Поутру, как мамка моя...

На углях печи стояла огромная сковорода, на которой, распластавшись в шипящем масле, поспевал блин.

Хозяйка перевернула его, подцепив за край плоской деревянной лопаткой, и только потом перевела взгляд на вошедших. Бегло осмотрев перешагнувших ее порог мужчин, она вопросительно подняла одну бровь.

Вторая женщина сидела за дощатым, врытым в землю столом. Совсем молоденькая, растрепанная со сна, с перепачканными в сметане пальцами. За щеками блин, на губах масло, а в

глазах — испуг. Она инстинктивно прикрыла руками свой большой круглый живот и тихо произнесла:

— Ой, мама...

Ольм поднял перед собой две открытые ладони:

— Мы пришли с миром.

Старшая женщина хмыкнула, бросила блин на тарелку, отставила сковородку и вытерла руки о передник.

Она была достаточно высока и широка в плечах, чтобы ее фигуру можно было назвать статной. Просторная рубаха уходила в прихваченную на талии фартуком юбку до пят. Темно-русые волосы заплетены в косу, бегущую змейкой промеж лопаток до самого пояса. Голова была покрыта светлой безузорной косынкой, которую удерживал резной серебряный обруч шириной в палец. По вискам с двух сторон спускались, продетые одно в другое, три плоских кольца. Верхнее, самое большое, закрывало собой всю поверхность виска, второе, меньше его почти в половину, третье, самое маленькое, постоянно прикасалось в своем движении к скулам берегини.

Свет, попадая на кольца, преломлялся, кружа по внутренней стороне теплыми бликами.

— Добра и света... Давненько я такого обращения не слышала. И вам рассвета доброго, — сказала она. Саммар заметил, как поблескивают в свете масляных ламп ее резные височные кольца. — Ну рассказывайте, с чем пришли в такую рань.

Саммар кашлянул, прочищая горло:

— Раненый у нас. Во дворе у хаты. На носилках.

— Раненый? Поножовщина спяну? Или нарвался на вилы, сгяя с чужого сеновала? — Женщина омыла руки в тазу и плеснула на ладони мутную жидкость из бутылки. — Хотя, в сущности, какая разница...

«Горилка, — подумал Саммар, потянув носом воздух. — Перцовая».

— Оденсе, — вдруг позвала девушка. Берегиня обернулась и проследила за ее взглядом. Та не отрывала глаз от обвешанных оружием мужчин.

— Не бойся нуждающихся в помощи твоей. — Она стряхнула с кончиков пальцев капли. Те вспыхнули, упав на угли. — Возьми лампу. — Саммар послушно выполнил просьбу. — Мне нельзя пачкать рук. Криуса, девочка, побудь в спальне. Не надо тебе видеть того, что далее произойдет. Пойдемте. Почему не занесли сразу? Хотя, к лучшему...

Ольм предупредительно распахнул и придержал перед берегиней дверь. За ее спиной он сделал быстрый знак Гыду, стоящему у носилок. Тот осторожно сдвинул край служившего покрывалом плаща, как бы невзначай почти полностью скрыв лицо раненого.

Оденсе не понадобилось тщательно осматривать раны, чтобы понять, насколько они серьезны. Она просто отодвинула рваную ткань. Обнажилась окровавленная, иссеченная плоть.

— Мать Берегиня, — прошептала Оденсе. Ее веки вздрогнули. — Это же след от Полночной Звезды. — Кончики ее пальцев пробежали по телу, ощупывая края обширной раны. — Откуда вы его везете?

— С переправы. — Ольм отвечал, стараясь не встречаться с берегиней взглядом.

— Быть этого не может. Его ранили не больше пяти — шести часов назад.

— Так и есть.

Берегиня нехорошо сощурилась.

— И как так? — спросила она, уже прозревая ответ. — До переправы две недели пути.

— У нас был проводник, — чуть помедлив с ответом, все же признался Ольм.

— Проводник? Это то, что я думаю?

Ольм с нажимом добавил:

— У нас не было выбора.

— М-да? Выбора, говорите, не было? — После этих слов Оденсе громко сказала «уфф», с сомнением покачала головой и похлопала все еще круглыми от удивления глазами. — Что ж, иногда так бывает. Совсем нет выбора. Хотя не все в это верят. — Она снова покачала головой. — И все равно, протянуть даже пять часов с такой раной — есть везение невероятное! След от Полночной Звезды — след смерти. — Она рассуждала вслух, задавала вопросы и сама на них же отвечала. Будто говорила сама с собой. — Звезда прошла достаточно высоко над ним, иначе было бы задето сердце. Вернее, его, скорее всего, вообще не было бы. Его мышцы будто камень... Нет сомнений, вы использовали что-то. Нечто аналогичное по своей сути Полночной Звезде. Не так ли? Я права?

Ольм отвел глаза, но ответил:

— Да.

На несколько минут над присутствующими повисло молчание. Оденсе переводила взгляд с одного лица на другое. Не-

ожиданно она улыбнулась, правда, в глазах при этом не отразилось тепла, только тень набежавшей печали.

— Ну же, не томите меня. Это снова то, о чем я думаю?

— Это магия монашеского ордена. — Лицо Ольма приобрело такое выражение, как будто у него внезапно заболел зуб.

— Просто потрясающе. — Она нервно скрестила на груди руки и почти тут же снова развела их, поднеся с двух сторон к вискам. Сжала их, будто пытаюсь замедлить бьющийся в них пульс. — Просто потрясающе. И кто из вас на это решился? — Женщина переводила взгляд с одного лица на другое. — Ах вот как... Это кто-то, кого здесь нет... И где он? — спросила она и почти тут же протестующе выставила перед собой раскрытую ладонь. — Нет! Ничего не отвечайте, я не желаю больше ничего знать. И этого довольно. Магия монашеского ордена — это магия смерти. И она бродит где-то поблизости от моего дома... Вы знаете, что сделали своему другу только хуже?

— Хуже, чем это? — вмешавшись, подал голос Саммар и указал на изувеченную грудную клетку Годэлиска.

Оденсе неопределенно повела плечами и скомандовала:

— Ладно. Так, переносим его. Быстро. Его еще держит... ваше «средство». Мне надо не прозевать тот момент, когда его отпустит...

Тело осторожно внесли в дом, переложили на освобожденную поверхность стола. Ольм осторожно стянул с ног Годэлиска сапоги, а Гыд тем временем успел заменить край отброшенного плаща, скрывающего лицо, найденным в хате полотенцем. Он делал вид, что сосредоточился на тщательнейшем вытирании лба Годэ. Оденсе тем временем быстро выкладывала на застеленный белоснежным рушником табурет все, что, возможно, могло ей понадобиться.

На секунду ее рука остановилась. Встретившись взглядом с Саммаром, Оденсе произнесла, как бы продолжая прерванный ранее разговор:

— Заблуждение думать, что нет ничего хуже смерти. Не все измеряется ее порогом.

— Это для кого как, — буркнул Саммар и тут же получил локтем в бок от проходящего мимо Ольма.

В дальнейшем берегиня была немногословна. Она повелевала, остальные подчинялись.

Держали, поднимали, грели, мыли...

— Что ж, бог нам в помощь. Бог, дарующий свет, любовь и жизнь. — Она сделала ударение на последнем слове. — Молись, чтобы у него хватило сил. Полночная Звезда должна была выжечь их почти все безумной болью. Нет сил челове-

ских, чтобы вынести ее... Но жизнь все еще теплится, и вам удалось добраться сюда — значит, на это есть воля Создателя.

Эта фраза заставила Саммара с Ольмом переглянуться, а Гыда понадежнее укутать лицо раненого. Не обратив на это внимания, Оденсе продолжала:

— А ведь вы своими стараниями изменить естественный ход судьбы исчерпали остаток его жажды к жизни, должно быть, до самого дна. Чем держится до сих пор ваш друг — за пределами моего понимания.

Чем больше слабела сила, отданная Шелестом, тем явственнее становились доносящиеся из-под полотенца стоны и тем быстрее летали над телом Годэлиска руки Оденсе. Ольм наблюдал за ней. По тому, что она не нервничала, он понимал, что, скорее всего, все идет довольно-таки неплохо. И несмотря на все высказанные берегиней ранее сетования по поводу несостоятельности монашеской магии, их старания не пропали даром. Они сумели сохранить своему другу жизнь. Однако Ольм не мог не заметить, что лицо берегини с каждой минутой принимает все более озадаченное выражение, и единственное, чего он желал, чтобы догадка озарила ее как можно позднее.

Потом стоны перешли в долгий нарастающий крик. Дарину затрясло, ее изо всех сил сдерживаемая нервная пляска рук вырвалась на свободу. Девушка взметнула ими, обхватила себя за плечи, и, всхлипнув, выскочила за дверь. Оставив за собой лишь колебание занавесей на окошках.

В следующий момент чуткие пальцы берегини замерли. И вновь удивленно распахнулись глаза.

— Так вот оно что! — Она удовлетворенно хмыкнула. Потом выпрямила спину и расправила затекшие от напряжения плечи. — Это все объясняет... Ну что ж, и это к лучшему, к лучшему... — Оденсе повернулась к Ольму и посмотрела прямо ему в глаза. — Вы на самом деле считали, что, копаясь так глубоко у него внутри, я не замечу разницы? Что прикрыв его лицо тряпицей... Уберите ее уже, кстати, сколько можно? Дайте ему хотя бы попытаться нормально вдохнуть... Вы будете в состоянии скрыть истину? Так что это — наивное отчаяние или способ всемогущего ордена дополнительно щелкнуть меня по носу?

Ольм молчал, лихорадочно подыскивая слова, которые бы, окончательно не испортив ситуации, могли заставить берегиню продолжить операцию.

— Политика, проводимая властями Озерного края в отношении...

— Политика? При чем тут политика! Если бы я знала, кто он, я бы все сделала иначе!

— Иначе — это оставить за порогом?

— Слушайте! — Сдерживая все более нарастающее раздражение от возникшей не к месту перепалки, Саммар, чтобы не зарычать, повысив голос, перешел почти на свистящий шепот. — Хватит!

Гыд отирал уже действительно выступающий на лбу раненого пот.

— Правда хватит. Ему очень больно, — вдруг прозвучали в тишине избы его слова. — Он не кричит. Он как будто замер в одном самом больном моменте. Вам оттуда не видны его зрачки. А я их вижу. И они именно такие. Я видел такое уже один раз прежде. В бою, когда насквозь пронзил одного рыманца, а потом провернул у него в животе меч.

На лице Одесе судорожно дернулся нерв, на секунду она прикрыла глаза. Медленно выдохнула и вернулась к тому, чем занималась до того, как ее поразило обнаруженное несоответствие.

— Иначе это... Вы никогда не задумывались, почему людей и, скажем, кошек лечат по-разному?

— Но он не кошка! — возмутился Ольм.

— Не кошка, я вижу... И не человек.

Больше она не произнесла ни одного слова, полностью сосредоточившись лишь на собственных отточенных, почти во всем идеальных движениях.

Потом все закончилось.

Берегиня сидела у сдвинутых лавок, на которые перенесли измученное тело. Она возложила руки на обработанные раны. Глаза ее были закрыты. Губы не двигались, лишь по прерывистому дыханию можно было определить, что она снова и снова читает ритмичную молитву Возрождения.

Мужчины сидели в ряд на скамье напротив.

Гыд, привалившись спиной к стене, перестал сопротивляться навалившейся усталости и задремал.

Саммар скорее машинально, чем осознанно, растирал, засунув руку под ворот рубахи, старый боевой шрам на плече. Время от времени он прикрывал глаза, от души завидуя способности своего младшего товарища вот так, на раз, отключаться от реальности и проваливаться в сон. К нему забвение так просто не приходило никогда.

Ольм просто без отрыва смотрел на некую незримую для других точку перед собой.

А в слюдяное окно уже всю широкую реку лилось солнце.

Берегиня убрала руки, открыла глаза.

— Он дышит по-другому. Спокойно. — Оденсе устало посмотрела на Ольма.

Тот, оторвавшись от своих мыслей, произнес то, что собиралась сказать женщина:

— Теперь все будет хорошо.

Женщина вздохнула, не ответив. Она поднялась, снова вымыла руки и принялась драить стол, ножи, иглы. Скоро все вокруг благоухало деревенским самогоном.

Желудок Саммара жалобно заурчал.

«Есть хочу. Когда мы последний раз ели нормально? — Припомнились короткие привалы, черствые лепешки и вяленая плотва. Почти три последние недели в седле, потом был Потлов... Но Потлов не в счет — за двухдневную передышку разговоров было намного больше, чем еды... Это значит, еще в прибрежной деревушке у озера Гри?»

Оденсе потянула на себя скрипнувшую ставнями раму. Свежий воздух, ворвавшись, всколыхнул застоявшийся запах хаты — смесь выжарившегося масла, крови, пота и чужой боли. Кадык Ольма дернулся, а берегиня достала с печи полную тарелку блинов и чугунок расплывшейся от тепла сметаны.

— Трапеза наша небогата, но и она поддержит силы...

Ольм зажал ладонью рот и выбежал во двор.

Оденсе усмехнулась.

— Мужчины! — Она поставила перед Саммаром плошку. — Или ты тоже собираешься выскочить за ним следом?

Саммар отрицательно покачал головой:

— Я есть хочу.

— Дело, — одобрительно кивнула берегиня. На столе появились хлеб, сыр и пресловутая мутная бутылка. — По чарочке не грех пропустить.

Саммар с сомнением покосился на спящего Гыда, тот ведь наверняка голоден не меньше, но решил его пока что не будить. Они выпили. Саммара обожгло. В желудок срочно были закинута теплые пористые блины, потом хлеб, сыр и все вперемешку.

О, как все было вкусно!

Берегиня наблюдала, как он ест, подперев красивой полной рукой щеку.

— Я могу собрать вам с собой немного провианта. Наверное, вы не захотите спускаться в деревню, чтобы сделать запа-

сы. Хлеб, круг сыра, яиц пару десятков. Мяса нет у меня ни в каком виде, не держу я его.

— Это будет не очень обременительно для вас?

Оденсе повела плечами:

— Деревенские постоянно расплачиваются едой. А едоков у меня мало. Так что...

Саммар откинулся спиной на бревенчатую стену, посмотрел на женщину и довольно улыбнулся. Его живот снова урчал, но теперь по-другому — весьма и весьма довольно.

— Что ж, — улыбнулась в ответ Оденсе, — вот теперь можно и поговорить. Вопросов у меня много. Очень много. Но я не уверена, что вы именно тот, кому я могу их задавать. И уж точно понимаю, что знать ответ на каждый из них — страшно.

— Да, — согласился Саммар. У него самого в жизни было с верхом пугающих знаний, от которых он предпочел бы отказаться. — Иной раз лучше подольше оставаться в неведении.

Оденсе кивнула, а ее глаза подернулись поволокой собственных воспоминаний.

— Лучше не знать о переменах, которые не в силах изменить. А они, судя по всему, грядут в скором времени. Иначе откуда в эти края могло занести Полночные Звезды и монашеские силы?

— Одно призвало другое, — уклончиво ответил бородач.

Взгляд женщины был грустен:

— Издевка судьбы. Сначала детей Матери Берегини изгоняют из Озерного края за якобы противную Создателю способность продлевать и спасать жизни. Ибо мы своими умениями вторгались в четко выверенный замысел Создателя. И вносили свои коррективы. Четверть века старательно стирали память о нас и наших знаниях. А потом одной из берегинь приходится врачевать того, чью предсмертную агонию изо всех сил старался продлить монах... От него, наверное, бледная тень осталась за эту ночь, не так ли? — При этих словах она встревоженно нахмурилась. — Он хотя бы на достаточном отдалении от моего дома находится?

Саммар кивнул:

— Там, где на берегах видно знак. Он не переступал черту. Не хотел, чтобы из-за его присутствия ему, — Саммар кивнул на Годэлиску, — было отказано в лечении.

Берегиня отмахнулась, а потом недоуменно передернула плечами:

— Что за ерунду вы сейчас сказали? Я бы в любом случае должна была помочь. Как я могла отказать в помощи погибающей жизни?

— Не знаю я... столько разговоров было про знаки, про орден, про политику. Для меня так это все вообще поперек. Ежели лошадь захромает, я ее к коновалу сведу, а уж как он там врачевать станет — с учетом политики или без — мне без разницы. Шелест... монах наш, по вашим словам — смерть ходячая, а он в живых-то Годэ удержал. И сам сюда носа не показал, потому как не хотел, чтобы взбрыкнули вы из-за неприятия его. Ну, из-за его принадлежности к ордену.

Оденсе покачала головой:

— Это правильно. То, что он не переступил черту. Это хорошо. Но не для вашего раненого друга. А для самого монаха. Для него приход сюда стал бы намного более мучительным испытанием, уж поверьте мне на слово, чем мое простое, — она подчеркнула, — *человеческое* нежелание видеть ни одного из представителей его касты.

Пришло время Саммару удивленно поднимать брови:

— То есть как — мучительным испытанием?

Оденсе взяла со стола чашку с водой и развернулась к устью печи. Резкое движение кисти, и вся вода из чашки выплеснулась на пульсирующую розу углей у самого края. Шипение и маленькое облачко пара — угли темнели, трескаясь и превращаясь в хрупкие шарики спрессованного огнем пепла. Часть воды стекла по углублению между камнями, формирующими печную кладку, на пол. Превратилась в лужу неправильной вытянутой формы.

— Он — едва тлеющий уголь. — Берегиня вновь посмотрела в глаза своему собеседнику. — Я — вода. Вода остается водой, даже испарившись, собирается в облако и изливается дождем. Вода снова становится водой. А угли рассыпаются в прах. И нет в них больше искры живительного тепла. Он ничего не говорил об опасности лично для себя?

— Подозреваю, что, скорее всего, он об этом вообще не знал. — Саммар задумчиво поскреб бороду.

— Орден так старательно стирал Мать Берегиню из памяти, что забыл, в чем было истинное противоречие. Должно быть, он очень молод, ваш... монах. Верно, я представляю для него всего лишь хрестоматийное зло... Только лишь некогда существовавшую идеологическую угрозу догмам его ордена. Сколько ему лет?

Саммар пожал плечами:

— Не думаю, что он юн. Ни разу его слова не показались мне неразумными.

Губы Оденсе тронула легкая улыбка:

— Мудрость — это не седина. Она не ко всем приходит с годами. Есть люди, чьи глаза полны ею с детства. Иным же и века не хватает...

Скрипнула дверь, бледной тенью в хату вернулся Ольм.

— Саммар, нам стоит выдвигаться, — то ли сказал, то ли спросил он уставшим голосом.

— Перекусите? — Берегиня поставила перед вошедшим чистую тарелку, но тот лишь отрицательно покачал головой.

Саммар встряхнул спящего спутника за плечо:

— Вставай давай, Гыд. Ну ты мастак спать, просыпайся!

Рука Саммара потянулась к поясу и отстегнула увесистый кошель. Оденсе заметила выбитые на нем гербовые вензеля Хальмгардской династии. Все ее догадки подтверждались. Мужчина ссыпал на ладонь часть золотых монет и шлепнул их на поверхность стола:

— Этого хватит? Чтобы оплатить все, что ты сделала?

Оденсе лишь скользнула по горке денег взглядом.

— Как далеко то место, в которое вы едете? Это Рыман?

— Нет. — Ольм надевал на себя часть снятой ранее амуниции. — Поможете нам его перенести обратно на носилки? Чтобы мы не навредили ненароком. Мы не направляемся в Рыман. А почему вы спрашиваете?

Гыд уже держал в руках носилки.

— Потому что ваш друг очень слаб. Дальней дороги он, боюсь, не вынесет. А до Рымана рукой подать. — Она усмехнулась. — Благодаря вашему проводнику конечно же. Так что, если этот город конечный пункт вашего путешествия, можно бы и рискнуть.

— То есть мы не можем забрать его? — Дарина стояла на пороге. Она, после того как выскочила за дверь во время операции, сначала поплакала на шее у собственной лошади, а потом расстелила во дворе две попоны и, как и Гыд, использовала появившееся неожиданно-негаданно свободное время для сна.

Пробудившись от голосов внутри дома, первым делом девушка побрела к низкому срубу колодца и попыталась привести в порядок свой внешний вид. Отражение в черной воде оставляло желать лучшего. Умывшись и стянув расчесанные волосы в гладкий хвост, она поняла, что времени для сна было слишком мало. Перед глазами метались белые мушки. «Господи, как я устала. Я прямо как пьяная. Это как быть пьяной уже не первый день».

— Вы же навряд бы колдовали-колдовали... — Дарина не смогла сдержать зевок.

— Но мы не можем остаться ни здесь, ни в Римане, — покачал головой Ольм. — И так уже задержались.

Он посмотрел на Саммара, тот пожал плечами и сказал:

— Значит, нам придется трогаться без него. Можно будет оставить его под вашей опекой?

— Его могут искать? — вместо ответа спросила берегиня.

— Искать-то ищут, несомненно, но здесь — не станут.

— Почему?

— Эта местность находится в противоположной стороне от цели нашего пути. Мы как бы обогнули погоню и теперь находимся у нее за спиной. Звучит это, вероятнее всего, абсурдно. — Ольм немного помедлил. — Мы вернемся за ним. Заберем на обратном пути.

Плечи Оденсе устало опустились. Очень давно ей посчастливилось избавиться от необходимости участвовать в преследовании, где ей была отведена роль жертвы.

Однажды в ее судьбе уже был момент, когда все окружающее ее устройство мира рухнуло и грозило раздавить под своими обломками. Ей удалось исчезнуть, спастись. А потом пришлось бежать — все дальше и дальше. Чтобы в конце концов оказаться здесь. И теперь в этой глуши, столько лет спустя, у нее возникло ощущение, что опять все начинается сначала.

И эти всадники всего лишь первые гонцы. А вскоре за ними потянутся военные обозы. А у нее в хате беглый раненый. И это уже не оказание помощи, а укрывательство. Если гонимые знают, что она берегиня-целительница, долго ли это останется тайной для преследователей? Власть тех, кто швыряется Полночными Звездами, никогда не сочтет ее соседство дружеским.

— Когда вы вернетесь? — Своим вопросом она пыталась выяснить, сколько у нее еще есть времени. «Времени для чего? Чтобы не бояться засыпать по ночам? Для того чтобы решить, куда бежать дальше? Снова бежать... В безумный Княжград? Закрытый Латфор? Дальше, на Западные острова? Или лучше сразу на морское дно?»

— Недели через две. Максимум. — Ольм уже стоял на пороге.

— Две недели?! Если через две недели он сможет самостоятельно поворачивать голову — это уже будет хорошо! Я не смогу поставить его на ноги за такое короткое время. Я же исцеляю, а не творю чудеса. Вылечить его за две недели — да этого никто не сможет сделать! Даже учитывая то, что он чистокровный эльф!

ГЛАВА 2

Королева, где твой замок?
Темной ночи вскрыты двери,
Гонит стужа незнакомок
От потери до потери.
Где твой замок, королева?
Нету края — степь безбрежна,
Ветра шепот без напева,
Мысль о крове безнадежна...
Мы пришли на пепелище,
Снег скользит, разбитый камень,
Прежний замок стал кладбищем,
След предательства скрыл пламень¹.

— Гали! Гали, ты слышишь меня? Отойди наконец от окна! — В голосе княгини Млады начали явственно проступать нетерпеливые стальные нотки. Княгиня была не в духе. Причин для этого было несколько, но более остальных ее сейчас раздражало поведение младшей дочери. Последнее время Гали летала в облаках и, судя по отстраненному выражению глаз, совсем не в тех облаках, в каких полагалось летать молоденькой особе ее ранга.

Никаких вразумительных объяснений Младе получить от девушки не удавалось, и все замысловатые разговоры с хитрыми двусмысленными вопросами заканчивались загадочными вздохами и потупленным взором. Что и говорить, благодушия это княгине-матери не прибавляло. Настроение ее было под стать погоде за окном — мрачное и промозглое.

Жаркий зев камина наилучшим образом обогрел гостевую залу, но все же это не мешало чувствовать, сколь нещадно сквозит из окон. Тепло камина из-за этого казалось прослоенным промозглостью зарядивших осенних дождей. Словно на редкость неудавшийся праздничный торт, в котором великолепный крем перемежается непропеченными липкими коржами.

Еще больше лишала гармонии окружающее пространство совершенно не осенняя копна рыжих волос княжны. Все в девушке напоминало о лете — легкая россыпь веснушек, яркие зеленые глаза и непокорные крутые кудри, словно таящие в своих изгибах солнечные переливы. И, конечно, мечты — легкие, уносящиеся в небесную высь, словно подхваченные порывом летнего ветра.

---

¹ Из древнего предсказания. — *Здесь и далее примеч. авт.*

— Истинно — Златовласка, — не уставала повторять Мина, горничная, расчесывая по утрам Гали. — Если даже не останется в княжестве золота, и то мы не пообедем, с таким богатством-то.

Гали рисовала пальцем на запотевшем стекле огромного дворцового окна чьи-то раскосые глаза. Глаза выходили плохо, и она перечеркивала рисунок быстрыми штрихами, а потом принималась рисовать их вновь, чуть поодаль.

Из окна было видно, как, перепрыгивая через лужи, неловко подхватив юбки, шлепает по двору в направлении флигеля служанка.

Рассматривая сквозь прорисованные линии, оставленные миниатюрным пальцем, непростое продвижение служанки к заданной цели, Гали нахмурилась. Интересно, что там можно убраться столько дней подряд?

Флигель не являлся жилым помещением, в нем размещали гостей, только когда многочисленных приемных покоев замка не хватало на всех вновь прибывших. Нынешние переговоры закончились с неделю назад, а она все ходит туда и ходит. Завидное постоянство в пристрастии к кропотливой работе, в чем горничная раньше никогда замечена не была. Прямо отдельно взятый феномен, который достоин изучения.

«Разве только, — Гали улыбнулась своей неожиданной догадке, — Мина приспособила флигель для своих тайных свиданий с Марком. Прямо под носом у господ, запретивших эту разрушительную страсть. Очень удобно — есть благовидный предлог для отлучек из замка. Само место уединенное, никаких тебе посторонних глаз, ушей и, как следствие, пересудов. Вот только осталось заприметить, как туда, во флигель, окольными путями пробирается конюх...»

Отношения Мины с грумом отца Гали были полны скандалов, бурных расставаний и не менее шумных же примирений. В какой-то момент сдержанный в повседневной жизни князь Всемир, стуча черенком серебряной ложки по столу, заявил, взвизгнув на последнем слог фразы:

«Мне осточертела эта кошачья возня!»

Именно после этого исторического момента встречи служанки с Марком были объявлены вне закона. Гали не очень хорошо представляла, где находится вышеозначенная область — «вне закона», но по ее собственному внутреннему убеждению, демонстрацию слугами чувств можно было теперь по тяжести преступления разместить где-то между крупной контрабандой и оскорблением институтов власти.

Мина тайком плакала, а при встрече кидала на Марка томные взгляды, от которых, казалось, мог воспламениться вокруг воздух. В такие моменты грум пытался придать своему лицу безразличное и отстраненное выражение, старательно отводил глаза, но при этом столь явственно попеременно бледнел и краснел, что и в его взаимности тоже сомневаться не приходилось.

— Пап, почему бы их не поженить?

— Что за странная фантазия, Гали? Они, еще не будучи связаны узами брака, каждый день умудряются доводить свои отношения до абсурда! Что будет, если мы разрешим им пожениться? Да они просто поубивают друг друга! А так у меня есть прекрасный конюх, а у твоей матери довольно сносная горничная. Оба они честны и не воруют, в отличие от очень многих. Я не могу позволить таким объективно хорошим людям убивать друг друга без очевидной и разумной причины.

«Абсолютно непонятно, как взрослым удается настолько виртуозно владеть своими эмоциями. Отец часто повторяет, что сначала нужно учиться держать под контролем свои мысли и чувства, а потом уже приступать к науке управления государством. Что без внутреннего спокойствия монаршее правление невозможно. Ну хорошо, допустим, он прав. Но он — монарх! А требовать этого от других? Им-то зачем такой самоконтроль? Как можно запретить страсть?» — И скульпы Гали вновь заливал предательский румянец.

В ее юном сердце не так давно первоцветом раскрыла лепестки неги, которую вскормили прочитанные романтические саги и чарующие мелодии песен менестрелей. Из-за нее она все дальше уходила в своих размышлениях от понимания прописных истин отца и все больше познавала смысл и правду через сбивчивые, брошенные мимоходом признания Мины.

Единственное, чего она не понимала в терзаниях горничной, что ставило ее в тупик, так это вспыхивающая иногда в глазах Мины необузданная ненависть. Стоя у окна, глядя на проводимые на площади перед замком сборы, та порой изрекала:

— Нет, только посмотрите на него, расфуфырился, словно петух в новом курятнике — в Княжград, видите ли, едет сопровождать их светлость! Знаем мы, для чего все эти поездочки используются! Если бы могла — задушила бы его собственными чулками! Чтоб ты сгинул на плоскогорье! Чтоб тебя в Буре выловили, заразу! Глаза б мои тебя больше не видели! — И Мина смачно и злобно плевалась в окно, из которого открывался вид на предмет ее воздыханий.

Эти сорвавшиеся в сердцах проклятия княжна принимала за чистую монету. От их бьющей ключом экспрессии по спине начинали бегать мерзкие холодные мурашки. Гали представить не могла, как можно пожелать столько зла тому, кто дорог сердцу.

И угораздило же ее саму влюбиться не в соседского принца... О котором можно было бы не особенно переживать — кто-то знакомый с детства, с кем все просто и ясно. Не особо заботясь о конспирации, с ним можно было бы обмениваться сонетами посредством голубиной почты, заставляя всех посвященных ахать от умиления. Добавляя флер романтичности в обыденность существования среди серых стен замка. И это были бы реальные непредосудительные отношения молодости, которые вполне могли бы перерасти во что-нибудь серьезное.

Но нет, ее сердце не искало легких путей. Гали была очарована совершенно незнакомым рыцарем.

Ей не с кем было поговорить о своей любви. Не с кем было поделиться своими переживаниями. И, что хуже всего, не у кого было расспросить о *нем*. И чем дольше темноволосый незнакомец оставался загадкой для девичьего сердца, тем большим совершенством обростал в ее воображении его кристальный образ.

Возможно, причиной тому были обстоятельства, при которых они встретились. Все было как в новомодных романах, которые так не одобряла ее мама. Рыцарь спас даму.

Гали и таинственный незнакомец столкнулись на винтовой лестнице северного крыла, по которой княжна в очередной раз сбегала сломя голову, вопреки дворцовому этикету. Заметив возникшую из-за поворота тень поднимающейся навстречу фигуры, она попыталась изменить траекторию своего движения, но запуталась в многочисленных юбках, споткнулась об подол и почти упала. Почти — потому что рыцарь оказался на самом деле рыцарем. Галантным и предупредительным, но самое главное — очень ловким и с быстрой реакцией. Он успел подхватить даму.

Споткнувшись, девушка сильно толкнула его. Полукруг движения от этого резкого удара заставил каскад его крутых смоляных кудрей, взметнувшись, соскользнуть с мощных плеч. Удерживая девушку одной рукой от падения, мужчина отбросил их взмахом второй ладони, облаченной в длинную перчатку. Дабы они не оскорбили даму своим, пусть даже нечаянным, прикосновением к ее коже.

Через секунду мужчина очень почтительно поставил княжну на ступеньку перед собой.

Гали в замешательстве молчала. Ее прерывистое дыхание, определенно намного более экспрессивное, чем требовал этикет, заставляло декольте платья опасно обнажать то, о чем этикет, разумеется, вообще предпочитал умалчивать.

Глаза рыцаря были так близко, что княжна смогла рассмотреть в подробностях каждую ресничку, каждую точку на темно-кареих, оттенка горького шоколада, радужке. Раскосый разрез венчали расходящиеся от уголков к вискам лучики наметившихся морщинок. Взгляд был теплым, и в какое-то мгновение Гали показалось, что он падает через ее удивленно распахнутые глаза прямо в душу и обволакивает своей лаской с головы до ног. Этот обращенный к ней взгляд сделал намного мягче жесткие, будто наскоро высеченные из камня, черты лица.

Девушка едва слышно и не вполне отчетливо пробормотала:

— Извините. — И тут же гордо вздернула подбородок: все же она была княжной и не привыкла извиняться. Никогда и ни за что. Ни перед кем.

Рыцарь почтительно склонил в поклоне голову и плечи. Гали заметила улыбку, играющую в уголках его губ. Он посторонился, и девушка постаралась как можно более величественно прошествовать мимо, чтобы стереть даже малейшее воспоминание о своей неуклюжести.

Всю дальнейшую дорогу она чинно вышагивала, чувствуя невыносимый жар ярко алеющих щек. Будто бы за ней все еще следили его глаза.

Вот и все. И вся встреча. Все, что должно быть соблюдено согласно жанру новеллы, было соблюдено: мимолетность, неожиданность и чудесное спасение.

И что во всем этом могло заставить Гали потом, спрятавшись за портьеры окон, высматривать во дворе фигуру незнакомца? Подглядывать за ним в обеденной зале? Снова и снова блуждать по северному крылу, ища встречи и одновременно опасаясь ее?

Если бы это все произошло раньше, не в этот раз, у нее наверняка была бы надежда переговорить с ним на балу, во время танца. Или разузнать о нем, как бы между прочим, побольше у какой-нибудь не в меру болтливой придворной фрейлины из Княжграда.

Они там, в Княжграде, знают столько, что иногда даже складывается впечатление, что знают вообще все и обо всех.

Но нынешние переговоры были не похожи ни на один из предыдущих.

Слишком внезапно все приехали и слишком быстро все разъехались.

На этот раз деловые и политические беседы не переходили в долгоиграющие застольные посиделки с непрременной дегустацией вин и коньяков различных лет выдержки. Никаких пятничных танцев и пикников с выездом в живописную предгорную область Потлова. Столичные хлыщии не привезли с собой опасно декольтированных веселых дам.

Собственно говоря, в небольшой группе серьезных дядек о прежних временах напоминала только колоритная, почти двухметровая фигура разодетого по последней моде в банты и рюши графа Борима. Да и тот, судя по скупающему выражению лица, попал сюда явно случайно.

Большую часть заседаний политической элиты граф проигнорировал. По обыкновению, их проводили в необъятном помещении библиотечной залы, коей Борим старательно избегал. Единственным его занятием стали прогулки по непривычно пустым для него коридорам потловского замка. Со вздохами часами разглядывал его светлостью развешанные в галереях портреты как предков Гали, так и своих собственных, или же меланхолично листал пылящиеся в галерее фолианты с гравюрами. Он явственно тосковал по прежним временам и скрывать свою тоску не считал нужным.

Мытарства графа прекратились, когда во время своих бесцельных блужданий по замку он открыл неведомый ему ранее путь на кухню, а через нее — в славящийся разнообразием своих запасов потловский винный погреб.

Сколько точно времени он там провел, не будучи обнаруженным, неизвестно. Да только как-то вечером кухарку Велле не на шутку встревожила ставшая громче обычной возня крыс в подполе вверенной ее заботам территории. Она сидела, грызла в задумчивости тыквенные семечки, насыпанные горкой на дощатом столе, и слушала шорох и стук под досками. Шорох в отличие от семечек не прекращался, и от этого раздражение женщины все больше возрастало. Ни одного из ватаги поварят, чтобы послать расставить мышеловки, ни своенравной полудикой рыжей кошки с черными пятнами, как назло, не было рядом, а решение проблемы, по мнению Велле, не требовало отлагательств.

Вооружившись шваброй и керосиновой лампой, кухарка ступила за порог двери, ведущей в погреб.

Свет лампы бил в глаза, ни на сантиметр не отодвигая обступивший ее подвальный мрак, но женщина отважно шла в темноту, нащупывая ногами ступеньки.

Граф Борим же, напротив, ясно видел огонек и идущую к нему миловидную женщину, которая сквозь призму винных паров конечно же показалась ему верхом совершенства и изящества. Врожденная галантность заставила его найти в себе силы и оторваться от облюбованной ранее бочки с божоле крЮ пятилетней выдержки. Граф потянулся на свет с беспечностью мотылька-переростка. То ли Велле, разгоняя предполагаемых ею грызунов, слишком рьяно размахивала шваброй, то ли граф был более чем пьян и потому крайне неустойчив, но закончилась их встреча грандиозным совместным падением с лестницы.

У его светлости в результате скоростного спуска сильно пострадала «основная» (по словам обследовавшего его много позже придворного лекаря) правая нога, от боли в которой граф на некоторое время потерял сознание. Велле же приземлилась непосредственно на распростертое мужское тело, а потому намного более удачно. Она вскочила с несколько примятого ее тяжестью графа и, не потеряв присутствия духа, принялась затаптывать деревянные ступеньки, занявшиеся из-за разлившегося масла разбитой лампы.

Когда огонь был потушен, пришло время Велле разбираться с добытым в результате проведения ею столь рискованной операции трофеем. На ощупь мужчина был молод и крепок, поэтому она решила не бросать его распростертого ниц, а потихоньку втащить по лестнице в кухню. Слабо сопротивляющийся, постанывающий, но постепенно трезвеющий от шока Борим, щурясь, вышел из сумрака полюбившегося ему погребка. Под светом кухонных ламп оказалось, что найденыш еще и весьма красив.

Последним доводом, заставившим Велле принять решение в пользу предоставления кухни в полное распоряжение графа, стало сказанное мурлыкающим сочным баритоном:

— Мадам, мне, к глубочайшему сожалению, не выпало случая быть представленным вам ранее...

Кухаркам редко доводится выслушивать что-либо подобное, так что удивляться произведенному этой фразой эффекту не приходилось.

Гали усмехнулась, вспомнив, какой переполох устроили слуги графа, заметившие (где-то через неделю, когда уже дело шло к сборам к отъезду) отсутствие хозяина.

Были организованы запоздалые поиски с поэтапным прочесыванием окрестных таверн и dna опоясывающей город речки Петли. Поиски ничего не дали (еще бы!).

И тогда все озадаченно пожали плечами и почесали в затылках. Тут же поползли противоречивые слухи то ли о похищении графа, то ли о его тайном пострижении в духовный сан. И даже о пленении в казематах замка как вольнодумца, открыто высказывающего свои соображения, категорически не совпадающие с официально проводимой Потловом последнее время политикой в отношении Княжграда и Латфора, из-за чего он якобы демонстративно не посетил ни одного заседания с участием их послов.

Еще через несколько дней всплыла новая деталь, после чего отдельные лица не на шутку обеспокоились. Больше всех нервничал из-за новости отец Гали, князь Всемир. Куда там слухам о политической диверсии — выяснилось, что самый последний раз пропавшего видели в непосредственной близости от погребов дворца.

Всерьез опасаясь за состояние своих легендарных запасов, Всемир тут же организовал поисковую экспедицию, которую сам же и возглавил. Обнаружение его светлости Борима, спящего в примыкающей к кухне комнате кухарки, стало шоком для дам и вызвало немалое веселье и огромное количество разномастных шуток у господ.

Раздосадованного графа вынудили покинуть территорию кухни, а Велле весь день проплакала, сидя на ставшей для нее роковой лестнице. С того дня граф заперся в своей комнате, а ужин, вопреки обыкновению, стал неизменно подгорать. Впрочем, на это, как ни странно, мало кто обратил внимание.

Такая почти фельетонная ситуация разнообразила для Гали монотонную серость бесед, которые она слышала из-за закрытых дверей и которые прерывались при ее появлении. И ненадолго отвлекла от собственных мыслей, то и дело заставляющих вспыхивать девичьи скулы будто под легким мазком кисти, предварительно погруженной в краску оттенка бордо.

— Гали, ты отойдешь от окна или нет? Почему мне придется повторять? — Мать сидела в резном кресле-качалке. Кресло недовольно поскрипывало, словно вторя Младе.

Последние годы пошатнувшееся здоровье заставило княгиню все больше времени проводить в его удобном нутре. Постариковски заворачивалась она в плед и подкладывала под ноющую спину подушечки, набитые овечьей шерстью.

Равномерное поскрипывание кресла уносилось под своды гостиной залы. В этих просторных комнатах с наступлением первых дождливых дней стали разжигать огромные пасти каминов. Огнем пытались разогнать сырость каменных стен зам-

ка, отпугнуть вечную жилицу — черную плесень, терпеливо выжидающую момент для своего ежегодного крупномасштабного наступления.

Соприкасаясь, постукивали спицы. Мама умело перекидывала петли с одной инкрустированной металлической мини-рапиры на другую, вывязывая очередной узор на очередном шарфе, который после отнесут в самые бедные кварталы города вместе с остальными ежегодными пожертвованиями знатного семейства.

Раньше Гали занимал вопрос, о чем думает княгиня во время этого ритуала. Тратя изо дня в день определенное количество часов на вязание, она, несомненно, погружалась в некие размышления. Не могла же она, в самом деле, думать только о петлях и накидах? Может, она представляет, как в связанный уже шарф завернут ребенка из неимущей семьи, а может, ее мысли далеки и она, подобно Гали, проигрывает в голове все странности предыдущих дней? И вязание всего лишь способ отгородиться от всех остальных?

— О чем ты думаешь, мама?

Княгиня выразительно глянула на дочь поверх сползших на кончик носа очков.

— В данный момент, как, впрочем, уже некоторое время, что уж тут скрывать, я озадачена твоим созерцательным настроением. Ты постоянно витаешь в облаках. Если бы на переговорах был хотя бы один человек младше тридцати пяти, я бы заподозрила тебя в романтической увлеченности. А так — я теряюсь в догадках.

Скулы Гали тут же покрылись розовыми пятнами, и она поспешила спрятать свое смущение, вновь отвернувшись к разрисованному стеклу окна.

— Мина опять топает к флигелю...

— Неправильно говорить «топает». Надо говорить «идет» или «спешит», а «топает» — это не приличествует молодой леди, — машинально поправила княгиня, одновременно отмечая, что дочь снова перевела тему разговора.

— Но она не идет и не спешит. Если не топает, то уж скорее прыгает, что ли...

«А к Марку на свиданье, верно, бежала бы. Или это ее замешательство для вида? Для того чтобы ее как раз и не заподозрили? Нет, притворяться и плести таинственные интриги ей не по силам...»

Княгиня недовольно покачала головой, снова углубляясь в вязание, посчитав по довольно абстрактным замечаниям Гали, что разговор окончен.

Гали была младшей дочерью князя Всемира и княгини Млады. Она появилась в семье, когда четыре ее старшие сестры уже были девушками на выданье. Поздний ребенок — до самого момента рождения ее родители надеялись, что наконец-то небо послало им мальчика. Продолжателя рода потловских князей их династии. Но, видимо, Всемиру рассчитывать передать власть потомку своей фамилии, а не отпрыску принца-консорта, мужу одной из дочерей, не приходилось.

В младенчестве и раннем детстве Гали была болезненной малышкой, что принесло немало бессонных ночей ее родным, а также кормилицам и нянькам. С ней носились как с хрупкой и безумно драгоценной вещью. Может, поэтому у окружающих вошло в привычку сверх необходимого заботиться о ней, а также позволять и прощать несколько больше, чем надо. Может, поэтому мать не одернула ее за пространное возражение и, по сути, неотвеченный вопрос.

Мина поэтапно отряхивала на ступенях под козырьком флигеля свои многочисленные юбки, прежде чем отомкнуть дверь. Топала каблучками коричневых полуботинок, сбивая с них прилипшую грязь дворовых луж.

Сразу после отъезда гостей была распущена по домам нанятая на время их приезда прислуга. Кухарка, горничная, секретарь, дворецкий, конюший да два поваренка, — прислуги более чем достаточно для малочисленной сейчас княжеской четы.

Так или иначе, но теперь все обязанности по уборке княжеских комнат легли на плечи Мины. А она, в свою очередь, уже много лет не выходила за кружевной чугун дворцовых дверей, так что в какой-то момент начала и саму себя считать важной персоной, приближенной к самой верхушке власти. А теперь ей приходилось вспоминать босоное деревенское детство и наматывать под дождем круги между замком, флигелем и пристройками. Раньше она не преминула бы спихнуть как минимум половину своих обязанностей на свою закадычную подругу Велле, а та по своему простодушию еще бы и радовалась, что ей выпала возможность помочь. Но теперь это был неподходящий момент.

Из-за той ситуации, в которую кухарка попала волею судьбы, она последние недели носа не казала за пределы кухни. То ли горюя о потерянной любви, то ли стыдясь открывшейся для посторонних глаз своей маленькой тайны.

Гали подумала, что Мина наверняка прибежит вечером жаловаться, как она замерзла, простудилась, поскользнулась...

— Ты не могла бы сходить поторопить Велле с ужином? После известных событий она стала очень нерасторопной.

— Ма... — Гали прислонилась к холодной поверхности лбом. — А почему отец уже третий день не спускается к ужину?

Спица замерла, упершись в палец. Княгиня вновь бросила поверх очков взгляд. Ее глаза в молодости были такого же изумрудного оттенка, как и у дочери, теперь их прежнюю мечтательную яркость словно усмирила пришедшая с возрастом мудрость.

— Что с тобой, детка? Отец уехал в субботу сопровождать латфорское посольство. Ты запомнила?

Гали тронула края накидки, пряча в ее тепло открытые по последней столичной моде плечи.

— Мам, — девушка развернулась всем корпусом к матери, — отец ведь вернулся в ночь с субботы на воскресенье. С ним был человек. Тот незнакомец в странном плаще. Помнишь, я еще говорила, что ни разу не видела его. Ни разу. Ни здесь, ни при дворе в столице. И выговор у него такой необычный...

— Ты ошиблась, детка.

— Мам, ну я ведь уже не маленькая, в самом деле. Как ты можешь меня убеждать в том, что отца до сих пор нет в замке, если я своими глазами видела, как он вернулся ночью того же дня?

— Ты, несомненно, ошиблась, девочка, — с нажимом повторила княгиня, рубя слова, словно ставила после каждого точку. — Или ты увидела слишком реальный сон, в который поверила.

Глаза Гали удивленно распахнулись — с ней никогда прежде не говорили в таком тоне.

— Мам?!

— Что — мам?

— Но ведь это же неправда!

С неожиданной для ее возраста прытью княгиня спрыгнула с качалки и подскочила к Гали вплотную:

— Слушай! Меня! В ту ночь вернулись конюх Марк и кто-то из нанятой в сопровождение прислуги. Это их ты видела из окон своей комнаты!

Гали медленно качала головой, не веря своим ушам.

— Даже если предположить, что я не в состоянии отличить плащ конюха от княжеского...

— Гали, остановись! Ты понимаешь, что обвиняешь меня во лжи?

Если бы в ее спину не упирался подоконник, Гали бы с удовольствием сделала пару шагов назад — столько ярости плескалось в глазах матери. Неожиданно спокойным голосом, хотя все внутри ее сжималось в непривычный подрагивающий комок, девушка произнесла:

— Я не думаю, что ты хочешь мне лгать. Скорее, ты хочешь, чтобы я поверила во что-то нужное тебе. В какую-то видимость, которую тебе сейчас нужно поддерживать. Передай тому, кого ты выдаешь за конюха, чтобы он тише шаркал, меря по ночам шагами отцовский кабинет прямо над библиотекой!

Княгиня прерывисто дышала. Если бы ее взгляд имел физическую силу, Гали замолчала бы, наверное, до конца своих дней.

— Прекрати нести бред, слышишь? И займись делом! Все твои странные мысли от безделья, не иначе. Ступай наконец вниз! А то мне скоро придется посылать кого-то поторопить тебя, чтобы ты не забыла поторопить Велле...

Подгоревший уже как бы традиционно ужин был съеден в безмолвии. Гали обиженно расковыряла пудинг, съела верхнюю часть, оставив на тарелке черную корочку низа. Княгиня, сидя напротив, через длинный церемониальный стол, ни на минуту не сводила с нее глаз.

Благословив, по обычаю, дитя перед сном, княгиня, вопреки обыкновению, весьма сухо коснулась ее лба губами.

— Спокойной ночи, маменька. — Гали присела в книксене.

— И тебе, детка, сладких снов. Храни тебя Господь, моя радость. И, Гали, — это уже княгиня добавила вслед повернувшейся к двери дочери, — я запрещаю, слышишь? Запрещаю тебе засиживаться в библиотеке!

Гали ничего не ответила. Лишь гордо передернула плечами, направившись к выходу.

Мать, в отличие от дочери, за вечер не съела ни крошки. Отодвинув в задумчивости нетронутую тарелку, она снова потянулась к вязанию, провела пальцами по идеально ровным рядам.

«Почему в жизни все не может быть так же просто? Так же понятно и связно? Руки людские способны создавать красоту, но вывязывать гармоничные отношения нам не дано. Связи запутаны, непрочны нити. Вот и выходит уродливо. И даже то, что мы уже имеем, умудряемся испортить вконец».

Гали, спрятавшись с головой под широкую многослойность покрывал своей кровати, ждала, когда часы на дворцовой башне пробьют двенадцать. До этого, как только за окнами начало

темнеть, она демонстративно покинула библиотеку с томиком очередного романа под мышкой.

Заявив, что желает сама привести себя в порядок перед сном, княжна раньше обычного отпустила горничную. Уставшая донельзя за день Мина не стала задаваться лишними вопросами об этих странностях и просто ушла в свою смежную со спальней княжны комнату.

Убедившись по доносящемуся из комнаты служанки размеренному посапыванию, что та уснула, Гали начала свои приготовления к делу, которое задумала еще сегодня днем, во время малоприятного разговора с матерью.

Для начала она причесалась перед зеркалом, в которое из окна падал лунный свет. Надежно заколола шпильками на затылке тяжелый узел волос. Надела, распутывая унизанные прозрачными камнями нити белого золота, на голову диковинную диадему. Украшение было старинным, в нем щеголяла еще прабабка Гали, и ей самой его подарили на не так давно минувшее пятнадцатилетие.

Изогнутый обруч из нескольких причудливо выющихся ветвей благородного металла на манер короны венчали миниатюрные зубцы. По обе стороны от них спускались полукругами цепочки, которые скрепляли в замкнутую паутину оправы сапфиров пронзительно-голубого цвета.

Диадему Гали для надежности тоже приколола к волосам шпильками, скрыв места креплений слегка выющимися прядями волос. Все же задуманный ею путь был не из легких: и прическа могла растрепаться, и украшение с головы слететь могло в два счета.

Мочки ушей приятно оттягивали продолговатые капли серег. Из всего многообразия Гали выбрала самые, на ее взгляд, подходящие к прабабушкиной диадеме.

Из гардеробной она извлекла один из костюмов для верховой езды. Одеяние темно-зеленого бархата, состоящее из высокого и довольно широкого корсета, не стесняющего движений, и узких брюк. Струющаяся от корсета юбка позволяла сидеть в седле по-мужски и при этом скрывать ноги.

Впрочем, эта красота была сейчас Гали ни к чему. Ее ловкие пальцы быстро отстегнули несколько десятков потайных пуговиц и отделили юбку от корсета. Наряд стал теперь более походить на мужской, чем женский. Но так было намного удобнее, а сейчас это было именно то, что надо.

Надев сверху на костюм белую ночную рубашку и спрятав диадему под кружевным чепчиком, Гали нырнула в кровать.

Пробило десять часов, потом одиннадцать.

Гали считала удары. Предвкушение от творимого ею озорства надежно отгоняло сон.

Наконец — двенадцать!

Она спустила на пол ноги в плотных шерстяных чулках. Нащупала тапки.

Зная, что у горничной очень чуткий сон, Гали старалась быть максимально осторожной, когда пробиралась на носочках мимо двери ее комнаты к выходу.

«Я прямо как Золушка, — думала она, шествуя с трезубцем канделябра по темным коридорам. — Пробыло двенадцать, моя карета превратилась в тыкву, а бальное платье — в нижнюю рубашку. Хотя нет, сейчас, пожалуй, я все же больше похожа на привидение. Белая с головы до ног, как в саване. Общий вид портят разве что тапочки. Наверяд ли кто-то поверит в мою призрачность, узрев их на ногах. Хотя кто видел привидения? Кто может утверждать, что тапочек они по ночам не носят? По ночам полы вон какие холодные, того гляди, со сквозняком простуду подцепишь. А сопливое привидение — это как-то совсем даже не страшно. Это уже, напротив, совсем смешно».

Зажженные свечи оплывали каплями обжигающего воска, то и дело попадающего на ладони и пальцы. Отбрасываемые фигурой девушки тени были причудливы, и княжна продолжала фантазировать.

Коридор превращался в темную пещеру, по которой необходимо было пробираться очень-очень осторожно и тихо, чтобы не потревожить волшебных монстров, несомненно обитающих за заколоченными дверьми.

Как просто верить, что можно сотворить из своей жизни сказку, когда тебе всего лишь пятнадцать лет.

Глаза Гали блеснули в темноте от предвкушения тайны, на пороге развенчания которой она, как она думала, находилась.

Двухъярусная библиотека с уходящими в потолок стеллажами книг.

Каждое новое поколение княжеской династии стремилось добавить как можно больше нового, пополняя и без того забитое донельзя энциклопедическое нутро. Многие из этих коллекционеров не могли похвастать, что ими была прочитана хотя бы малая толика из собранных сочинений. Они все словно рассчитывали, что когда-нибудь в будущем среди их потомков появится человек, жадный до знаний, одержимый их поглощением настолько, что пожертвует на чтение всю жизнь. Или даже несколько жизней. И вот тогда-то весь многовековой труд предков будет оценен по достоинству.